

Татьяна Устименко



Лицо для Судасшедшей принцессы



Эта «красотка» — страшная сила!

Татьяна Устименко
Лицо для Сумасшедшей принцессы
Серия «Хроники Рыжей», книга 2

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172096

Лицо для Сумасшедшей принцессы: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2008

ISBN 978-5-9922-0223-6

Аннотация

Странная штука – жизнь! Случается так, что она неожиданно начинает развиваться по замысловатой спирали, неуклонно переходящей в смертельный штопор. Смещаются основы мироздания, еще недавно казавшиеся столь незыблемыми, и все вокруг безвозвратно утрачивает первоначальный смысл. И тогда друзья становятся врагами, а враг – возлюбленным. Просят помощи боги, великие демиурги теряют силу, гибнут всемогущие маги и рушатся древние пророчества. А единственную возможность обрести свое истинное лицо и заново переписать ход истории получает только она – Ульрика де Мор, прозванная Сумасшедшей принцессой.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Татьяна Устименко

Лицо для Сумасшедшей принцессы

*Посвящаю моей наставнице и подруге, известной писательнице
Наталье Игнатовой*

*Герой – тот, кто привлекает к себе повышенное внимание,
и вызывает удивление или восхищение своими непредсказуемыми
поступками*
Словарь С.И. Ожегова

ПРОЛОГ

Утром неожиданно выпал снег. Первый в этом году. Легкий, узорчатый и крупный. Замысловато иззубренные снежинки медленно кружились в воздухе и скапливались на обломках кареты, еще недавно почти неправдоподобно, вызывая роскошную – серебряной, лаковой, с обильной отделкой изящными фарфоровыми медальонами. Таяли в лужицах дымящейся крови, густо пятнавшей истоптанную землю. Ярко-белое на красном и черном, классическая комбинация самых распространенных цветовых оттенков. Я невольно залюбовалась резким сочетанием противоположностей, и поэтому не сразу заметила его, сидевшего на ободе грязного колеса.

Весь в светлом, да еще в добавление к этому – белокурые локоны и мертвенно бледная кожа. Такого и специально то углядеть трудно! Кисти рук, едва выступающие из пены кружевных манжет, безвольно опущены вниз. Локти бессильно опираются на колени. Вся поза отражает крайнюю степень усталости и отстраненности. По длинному указательному пальцу, оканчивающемуся ухоженным черным ногтем, неторопливо скатывается алая капля крови и падает на свежий снег. Блямс... Красное на белом. Странной формы меч, рукоять которого щедро заляпана потеками густо-бордовой, уже начавшей сворачиваться крови, отлетел в сторону и криво воткнулся в комковатый суглинок. Но красавец-воин не обращает на верный клинок ни малейшего внимания. Голова его медленно качается из стороны в сторону, будто передо мной находится не юноша в расцвете сил и молодости, а дряхлый, немощный старик. Упругие завитки прекрасных локонов скребут по жесткому парчовому камзолу, извлекая из ткани жуткие, заунывные звуки. Шорк-шорк... Чуть розоватые тонкие губы сложены в издевательскую усмешку, а изредка с них срывается недоуменный полустон-полувсхлип. О-о-о-х... В гнетущей тишине слышится лишь ритмичное чередование этих ужасных звуков: блямс, шорк, о-о-о-х... И мне страшно, холодно и страшно!

Площадку вокруг искореженного корпуса кареты усеивают мертвые тела. Одни из них явно принадлежат слугам и охране. Широкие плечи, грубые плебейские черты, неловкие позы. Уже не люди, а всего лишь сломанные куклы, с неправдоподобно искривленными конечностями, покрытые ужасающими ранами. Другие тела больше напоминают сгустки плотного тумана, тающие с немыслимой быстротой, и словно в губку – впитывающиеся в незамерзшую еще землю. Кто же они?

Я спрыгиваю с Беса, бросаюсь на колени перед обескровленным юношей, и трепетно обхватив теплыми ладонями, приподнимаю его узкое, остывающее лицо. О, эти незабываемые глаза! Золотистые, огромные, с язычками обжигающего, потустороннего пламени, пляшущего в глубине бездонных, по-кошачьи вытянутых зрачков. Обрамленные длинными ресницами, кажущимися еще чернее на фоне неестественной белизны впалых щек. Ровные дуги

бровей, холеная полоска темных усиков. Это он, мое невозможное наваждение, мой сказочный принц с портрета в Лабиринте судьбы. Юноша доверчиво прижимается ко мне всем телом, погружая лицо в вышитые батистовые рюши на моей груди. Едва различимое дыхание проникает в разрез рубашки, вызывая мурашки на коже и упоительно-жгучее подрагивание где-то глубоко. В душе, наверно. Потом он отстраняется от сладостного изголовья и заглядывает мне в лицо:

– Мы ошиблись, мы призвали древние силы, оказавшиеся намного могущественнее нас...

– О чем ты говоришь? – шепчу я, нежно баюкая его в своих объятиях.

– О Тварях стужи, Ледяных ярах, Детях холода... у них множество имен, означающих одно – смерть без надежды на возрождение.

– Но как они смогли проникнуть в наш мир?

– Мы с сестрой первыми нашли Хроники Бальдура и оживили древнее заклятие, желая воспрепятствовать тебе! Слепые глупцы!

– И кто сможет остановить вызванное зло? – растерянно спрашиваю я, больше увлеченная очертаниями бледных губ, которые призывно приоткрываются так близко, слишком близко...

– Ты! – уверенно выдыхает он. – Ведь ты же нам поможешь, моя Сумасшедшая принцесса?

– Помогу! – я жадно тянусь навстречу его сахарным устам.

В какой-то непредсказуемой точке пространства мы встречаемся, и мир на мгновение замирает, не смея нарушить наше уединение. Время останавливается. Ленивое сонное солнце застывает над верхушками деревьев, и только наши сердца громко стучат в унисон, все убыстряя и убыстряя бег крови по венам. А потом я ощущаю, как его зубы удлиняются, превращаются в жуткие изогнутые клыки, жадно впивающиеся в мои доверчиво подставленные губы... И сказочный принц утробно и ненасытно рычит, крепко обхватив меня за плечи...

Часть первая

Глава 1

Я дернулась, больно стукнулась локтем о деревянный край кровати и проснулась. В очередной раз нарушенное твердое правило – не пить на ночь, привело к однозначным последствиям – мне приснился кошмар. Очень живой и реалистичный. Даже слишком правдоподобный, пугающий и объемный. Я на всякий случай дотронулась до губ, опасаясь обнаружить следы укусов, но к счастью, не выявила ничего, кроме обычной сухости и стянутости, всегда сопровождающей утреннее похмелье. Невыносимо ныло в затылке, а в надбровные дуги словно раскаленные иглы впились. Как известно, мигрень – болезнь аристократов, у простолюдинов обычно все протекает намного примитивнее – банально чердак раскалывается. Сегодня, не смотря на всю свою благородную родню, я на полном основании могла смело причислить себя к самому захудалому деревенскому быдлу. Добил бы меня, что ли, кто-нибудь добрый...

Из-за стены донесся приглушенный стон, и я обрадовано ухмыльнулась – видно не одна я сейчас маюсь страшной головной болью и омерзительной тошнотой, некоторым приходится не в пример хуже. К изнеженной жалобе Ланса добавился бесцеремонный бас Оггура, зычно требовавшего рассолу для поправки здоровья, изрядно пошатнувшегося по причине затянувшейся вчерашней попойки. И желательнее побыстрее, и побольше! Мой тонкий слух различил сначала далекое, недовольное ворчание хозяина, но потом его же более громкое, вежливое, очень подобострастное – сейчас, сейчас. Еще бы, один вид огромной секиры разгневанного орка – приводил в содрогание и более смелых противников. Вверх по лестнице торопливо протопали хоть и далеко не худые, но отнюдь не лишённые известной привлекательности ножки дебелий трактирщицы, а восторженный голосок трепетно спросил:

– Желает ли господин воин кофе в постель?

– В кружку, дура! – протестующе взревел недужный тысячник.

«Зря стараешься, милочка! – мысленно позлорадствовала я. – На Оггура женские чары не оказывают ни малейшего воздействия, и к тому же – ты просто не заметила симпатягу Лансанариэля, скромно затаившегося под натянутой до макушки простыней. А выглядывающие наружу шикарные пряди серебристо-пепельных волос запросто можно принять за девичьи!». Поступь поспешно удаляющейся толстухи, снова сотрясла хрупкую ступенчатую конструкцию, ведущую на второй, жилой этаж. Я снова прислушалась к своему желудку, требовательно взывавшему к целительным свойствам хорошо настоявшегося огуречного рассола. Эх, а ведь совсем недавно я лицемерно советовала Эткину – меньше надо пить, пить надо меньше! Но наверно не даром сотни лет назад, и к тому же опытным путем установлено, что много пить – вредно, а мало – не интересно. Вот именно поэтому я теперь и маюсь...

Пиво у паромщика оказалось с ярко выраженным мужским характером – забористое, задиристое, вздорное и бестолковое, хоть и варила его, ясно дело – жена. Да и самого паромщика, за время моего отсутствия умудрившегося спешно отгрохать непрочное, щелястое, двухэтажное здание, пышно названное «Королевская питейная», теперь следовало именовать уважительно – господином трактирщиком. Но нужно признать, несмотря на излишне крикливую вывеску и необоснованно задранные цены – кормили здесь отменно, кровати оказались удобными, а белье – свежим. В качестве главной достопримечательности, хозяин демонстрировал мой носовой платок, честно говоря – изрядно замурзанный и засморканный, очевидно, позабытый при прошлом посещении его гостеприимного домика, а теперь –

вставленный в золоченую рамку и гордо вывешенный напротив входной двери. Моя слабая попытка вернуть себе раритетный предмет личной гигиены, с целью не позорить королевский род Нарроны подобным стыдобещем – успехом не увенчалась. Трактирщик уцепил за платок намертво, сопровождая судорожные движения рук таким жалобным хныканьем, что я плюнула и отступилась. Кажется, отныне и навсегда, мое венценосное семейство будет ассоциироваться у нетрезвых посетителей кабака не иначе как с длиннющей соплей, любезного моему сердцу зеленого цвета, эффектно засохшей на квадратном лоскуте криво подрубленного батиста. Ничего не скажешь, экспонат, вполне достойный звания Сумасшедшей принцессы!

Думается мне – все громкие дела обычно начинаются с не менее громкой пьянки. Не путать с успешными, которые подобной тотальной пьянкой обязательно заканчиваются. Почему? Да потому что мысли о безумных авантюрах никогда не приходят в трезвую голову. А позднее, после пышных тостов за удачу предприятия, и несчетного количества употребленных по назначению кружек спиртного, отступать уже бывает поздно. Да и совестно нам откровенно признаваться в собственном хвастовстве и завышенной самооценке. Вот так и становятся героями! «Чего пить – того не миновать!» – добавляет в таких случаях наш домопращенный философ Эткин.

Военный совет в «Королевской питейной» открылся здоровенными кружками фирменного темного пива. Ароматного, увенчанного пышными шапками белоснежной пены и обладающего неповторимым, чуть подкопченным вкусом. Благородный ячменный напиток как по маслу скатывался в возрадовавшиеся пищеводы, в сопровождении упругих ломтиков острого, золотистого сыра. А выловленная в Роне рыба! Вяленые окуньки, ровными рядками уложенные на продолговатое блюдо и посыпанные искрящимися кристалликами крупной соли. От таких закусок жажда только усилилась, и мы немного несмело заказали первую бутылку вина. Эльфийского белого, жасминово-мускатного, трехсотлетней выдержки. Упитанный, исполненный чувства собственного достоинства трактирщик, торжественно водрузил на стол высокую, узкую, покрытую паутиной бутылку. Мы почтительно молчали, не смея нарушить патетичную церемонию откупоривания сосуда с нектаром, достойным куда более пышного застолья. Огвур придирчиво осмотрел сургучную печать на пробке.

– Настоящее! – благоговейно подтвердил тысячник. – Урожай королевских виноградников, года..., – он громко присвистнул.

Орк медленно выцедил глоток божественного напитка, налитого в граненый, хрустальный бокал. Посидел, томительно долго перекатывая вино во рту, и мечтательно закрыв глаза... Ланс нетерпеливо толкнул его локтем в бок.

– Бесподобно, – вдохновенно выпалил дегустатор, – потрясающе, невероятно, умопомрачительно...

Мы торопливо застучали бокалами.

За эльфийским незамедлительно последовали более скромные сорта вина, затем хозяин притащил кувшин крепчайшего гномьего самогона, а позднее, уже ближе к вечеру – объемистую корчагу лимонной орочьей водки. К тому времени мы уже совершенно не отличали вкуса поглощаемых напитков. А потом... потом Огвур отравился овсяной лепешкой. С этого все и началось!

Отобедали мы вполне тихо и скромно. Воспитанно отведали бараньего жаркого в горшочках, сдвинули пару скамеек, сблизили головы и негромко шушукались, обмениваясь планами и проектами, поочередно уперто отменяя все выдвигаемые идеи, кроме собственных. Любопытный Эткин, клубком свернувшийся во дворе, одним сапфировым глазом с любопытством заглядывал в окно первого этажа, пугая посетителей видом белоснежной зубастой

улыбки, периодически мелькающей за не совсем чистыми оконными стеклами. Эльфийское дракон не одобрил. Слишком мало, неоправданно дорого и отдает парфюмом. Подозреваю, после бурных свадебных торжеств у него вообще сложилось не слишком хорошее мнение об элитной продукции знаменитых эльфийских виноделов. Но темное пиво пришлось по вкусу всем. Нужно было просто на нем и остановиться. Вместо этого, мы излишне самоуверенно переоценили собственные, более чем скромные способности. Гремучая смесь из пива, вина, водки и самогона оказала самое непредсказуемое воздействие на организм каждого из участников боевого совещания. Пьяный дракон, в одиночку выдувший бочку горячительного, громко затянул что-то душещипательно-фольклорное. Не менее пьяные посетители слезливо кричали «бис» и бросали в окно жареные куриные ножки в качестве оплаты за сольный номер. Толстый трактирщик задумчиво облокотился на стойку, подперев кулаком расплывшуюся румяную щеку.

Жизнь-судьбина плавно
Катит под уклон,
Умирал бесславно
Раненый дракон...¹

... трогательно выводил Эткин, иногда фальшиво срываясь на высокой ноте и подпуская отчаянного петуха. Впрочем, это даже придавало его манере исполнения некую жалобную, проникновенную пикантность. В углу, обнявшись с обтрепанной метлой, в голос рыдала добросердечная трактирщица.

— Молчать! — неожиданно грохнул кулаком по столу орк. В его глазах плескалась лишняя кружка пива, очевидно, и ставшая той самой последней, роковой каплей. — Чего разнюнились, пентюхи?

Ланс предостерегающе дергал друга за рукав, но Огвура несло.

Тысячник смачно откусил от овсяной лепешки и обвел притихший трактир угрожающим взглядом налитых кровью глаз:

— Труссы! — при этом незаслуженном эпитете добрая половина зала угрожающе насупилась. — Мы, понимаешь ли, на подвиги собрались! Умирать, не щадя живота своего, за родину, за короля! А вы, труссы, все по кабакам отсиживаетесь, портки протираете. И невдомек вам, что отступать уже некуда, позади — Наррона. Бабы вы! — после этих слов, у второй половины зала, по-видимому, тоже возникло обоснованное и весьма слабо контролируемое желание примерно проучить несдержанного на язык оратора.

— Сам ты баба! — рикошетом прилетело из противоположного угла. — Или вон твой красавчик эльф, а то он как есть — вылитая девка!

Кто-то обидно заржал.

— Чего! — возмущенно полез из-за стола пьяно пошатывающийся орк. — Чего ты сказал, гнида? А ну-ка, повтори?

— Знаете, почему у вас двоих детей нет? — спросил еще ехиднее уже другой мужик, коренастый, до самых наглючих глаз заросший нечесаной, густой бородой. — Не потому, что вы орк и эльф, а потому что вы мальчик и... мальчик...

Стены трактира качнулись от громового хохота, рвущегося из десятков глоток. Белый волк выдал в ответ длинное витиеватое ругательство и нетвердо сгреб со скамьи Симхеллу. Хозяин перепугано ойкнул и предусмотрительно нырнул под стойку. Первый же удар тяжелой секиры, пришедшийся на стол с недоеденными закусками, породил неуправляемую панику. Народ дружно сыпанул к выходу, в дверях образовалась пробка, намертво перекрыв-

¹ Здесь и далее стихи автора

шая путь к отступлению. Разбитной малый с хитрой, рябой мордой, рыбкой сиганул в окно, напроць вынеся стекло вместе с рамой. В образовавшуюся дыру тут же заглянул заинтересованный Эткин.

– Наших бьют? – радостно спросил он с вдохновенными интонациями, живо выдающими огромное желание подраться.

Я неопределенно пожала плечами.

– Ясно, – мгновенно скис дракон. – Оггур разминается. Но вот ведь странно..., – он просунул в окно лапу и утянул с ближайшего стола двухведерную корчагу с чем-то, интригующе плещущимся и пенящимся. Глотнул, довольно крякнул, оптимистично подмигнул мне и продолжил: – Я всегда понимал агрессию как неоспоримое доказательство преимущества мышц над количеством мозгов. Но только не в отношении мудрого орка! – он снова шумно глотнул, неожиданно вперил застывший взгляд в одну точку и ... рухнул назад во двор, унеся с собой часть стены. Под прилавком горестно взвыл разоренный трактирщик. Я усмехнулась, выудила из кошеля пару немаленьких самоцветов и, не глядя, катнула их под стойку. Обреченный вой тут же стих. После этого я уселась на скамью, комфортно закинула ногу на ногу и принялась увлеченно наблюдать за происходящим.

А Оггур продолжал отрываться. Неподъемная Симхелла легкокрылой птичкой порхала в его могучих руках, превращая в щепки добротную мебель, и даже – попутно откалывая немалые куски от свежоошкуренных стен. Ослепительные блики, испускаемые лезвием секиры, добавляли подходящие световые эффекты. Ну, ни дать – ни взять, а настоящая сцена эпического боя храброго орка с коварным зеленым змием. Весьма поучительно кстати. Я представила себя на месте Оггура и мысленно содрогнулась. Все – решено, с завтрашнего дня завязываю с горячительными напитками. Со двора, в качестве вполне уместного звукового сопровождении, доносился богатырский храп упившегося до беспамятства дракона. Скорчившийся под прочным дубовым прилавком трактирщик подпрыгивал, стучался затылком о доску и жалобно охал, видимо, подсчитывая грядущие убытки.

– Как страшно жить! – риторически сетовала я, прикрываясь от летящих во все стороны щепок.

Спотыкающийся Ланс перебрался ко мне на скамью, подтянув поближе к нам жбан пива и мисочку с жареными орешками.

– Хорошо секирой работает! – широко распахнутые зеленые глаза полукровки восхищенно следили за мощной фигурой друга, зазря изводившего на дрова неплохие столы и лавки.

– А смысл? – прищурилась я. – Ведь самому же завтра стыдно станет!

Я оказалась абсолютно права.

Я еще немного повалялась в постели, но потом кое-как поднялась, придерживая рукой голову, гудевшую как набатный колокол. И какой самоуверенный умник придумал широко известную фразу – пиво без водки – деньги на ветер? Денег ему, видите ли, жалко стало. Нашел что жалеть, проходящую, мнимую ценность. А о самом главном – о здоровье, он явно не подумал. И ведь что интересно, за те же самые треклятые деньги много чего купить можно – море вина, океан пива, реки самогона. А здоровье – его то, родимое, за все золота мира не купишь... Я порылась в походной сумке, выудила пузырек с настойкой тысячелистника и кукурузных рылец, зубами выдернула деревянную затычку и, кривясь от горечи – отхлебнула прямо из горлышка. Через пару минут мне заметно полегчало. Мысли обрели привычную ясность, мерзкая тошнота отступила. Застегнув помятый колет и плеснув в лицо степлившейся водой из медного рукомойника, я бодро простучала каблуками вниз по лесенке.

В обеденном зале было не многолюдно. Может, по причине раннего времени, а может, что выглядело более правдоподобным, всему виной оказались вчерашние разнузданные

выходки пьяного орка. За единственным, каким-то чудом уцелевшим столом, сидел сам Огвур, нахмуренный, опухший и самую малость смущенный. Черные волосы небрежно собраны в кривой хвост, один глаз заплыл и не открывается, второй – брезгливо устремлен на тарелку только что сваренной, дымящейся ухи из ершей.

– Ты поешь супчика то, сразу легче станет, – нудно бубнил полуэльф, пытаясь всунуть в судорожно сжатую ладонь тысячника здоровенную ложку, больше смахивающую на половник.

Огвур поморщился:

– Отравился я, – с заметным усилием и словно оправдываясь, выдохнул он, распространяя густое сивушное амбре. – Хреновые у хозяина лепешки оказались...

– И не хреновые они вовсе, а – овсяные! – робко вякнул трактирщик.

– Лепешки? – заломил изящную бровь Лансанариэль. – Лепешки? Так это они всему виной, после вина, пива, водки и самогона? Думаешь, трактирщик в них сушеные мухоморы подмешивает?

Я звонко рассмеялась. Орк глянула на меня укоризненно:

– Хотел бы я пожелать тебе доброго утра, Мелеана. Да вот, не могу...

– А все из-за негодных овсяных лепешек! – ехидно вернул Ланс.

Огвур энергично кивнул – запамятавав про отравление, скабречно выругался и схватился за ноющий лоб.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросила я.

Белый волк поднял на меня мученический взор:

– Бывало и лучше. В хрониках часто упоминается, что все великие люди жили не долго, но шумно. Вот и мне что-то не здоровится...

Ланс гаденько хихикнул.

– А если тебя настоячкой полечить? – неосмотрительно предложила я.

Огвур передернуло:

– До смерти зарекаюсь пить что-нибудь, крепче простой воды!

– Ну, дай то Пресветлые боги, – с облегчением проворчал трактирщик, торопливо сколачивающий новую скамью.

Полуэльф скептически покосился на орка и принялся аккуратно хлебать уху.

– А Эткин где? – поинтересовалась я, придвигая к себе вторую, наполненную тарелку и большой ломоть черного хлеба. Уха оказалась вкусной. Жизнь снова налаживалась.

– Их драконство в овине дрыхнут, – доверительным шепотом сообщил мне хозяин. – И упаси боги их разбудить. У меня итак уже от ихненского храпа две курицы нестись перестали, гусак заикаться начал, теленка на понос пробило, а порося...

Не говоря ни слова, я вынула еще один самоцвет и катнула его через стол по направлению к рачительному хозяину.

– А порося я вашим милостям на обед зажарю, с кашей и грабами, – как ни в чем не бывало, радушно закончил трактирщик.

Я одобрительно улыбнулась. Орк внимательно прислушался к слову «каша», посинел, позеленел, а потом резво бросился к открытому окну, прижимая ко рту ладони и издавая судорожные, клочущие звуки. Я философски хмыкнула и облизала ложку. Самое тяжелое похмелье случается от пьянящего чувства собственной безнаказанности. Вот не стану в следующий раз платить за хулиганские выходки Оггура, вот тогда он, искренне надеюсь, сам наконец-то прочувствует эту простую истину.

Но и после ухи, которую, правда – с аппетитом съели мы с Лансом, покуда Оггура обильно выворачивало в окно, орку не стало лучше. Добрая хозяйка кудахтала как наседка, бурно всплескивала руками и обширным бюстом, суежилась и предлагала опробовать на совсем раскисшем тысячника проверенные народные рецепты – один другого хлеще. Я с

сомнением отмела убойную экзотику вроде мочи трехцветной кошки, толченых тараканов и сырого петушиного яйца... При упоминании о последнем средстве я вообще ничего не сказала, а просто изумленно выпучила глаза, и тут трактирщица мимоходом, как бы невзначай посоветовала прогуляться на речку и искупаться в прохладной, еще не прогретой солнцем воде.

– А что? – гибко потянулся Ланс, с готовностью демонстрируя тонкую талию и стройные бедра, на которые итак уже, с черной завистью во взоре, подозрительно косилась дородная хозяйка. – Это совсем неплохой вариант. Так и представляю, как эффектно будут смотреться мои волосы в потоках прозрачной речной воды...

Огвур промычал что-то одобрителное и немного посветлел лицом.

– Решено! – махнула рукой я. – Купаться, значит – купаться.

Мы шумно вывалились во двор. Орк, нагруженный полотенцами и неразлучной секирой, Ланс – тащивший под мышкой сафьяновый сундучок с расческами, притираниями от солнечных ожогов и еще с бог знает какими, милыми его утонченному сердцу причиндалами. И я – как обычно, с верным Нурилоном за спиной. Для каких непонятных целей я поперла с собой тяжеленный волшебный меч, я пока еще не придумала, но, подчиняясь интуитивному предчувствию неведомой опасности, словно кошка скребущемуся где-то на задворках здравого рассудка, незаметно для друзей прикоснулась к рукояти клинка, проверяя – по прежнему ли свободно он выходит из ножен.

Хозяин приврал – дракон не спал в овине по той простой причине, что элементарно не помещался целиком в ветхом, дощатом сооружении, со стропил которого непрерывно сыпалась мелкая труха от поминутно сотрясавшего их залиvistого храпа. От подобного забавного зрелища Огвур почти протрезвел. Голова Эткина скрывалась в проломе покореженной стены, тело распласталось внутри огороженного частоколом клочка земли, гордо именовавшегося огородом, а увенчанный кисточкой хвост, красиво возлежал на крыше изрядно просевшего курятника. Я рывком распахнула кривую дверь сараюшки и резво отпрыгнула сторону, выпуская скопившуюся внутри овина затхлую воздушную массу, густо пропитанную прокисшим послевкусием фирменного темного пива. Потом решительно шагнула через порог...

Эткин блаженно дрых, водрузив расплывшуюся в широкой ухмылке морду поверх плотно увязанных снопов, составленных из ядреных стеблей дикой конопли. Я громко присвистнула. Не пренебрегая наглядными уроками мэтра Кваруса, придворного лейб-лекаря в замке графа де Брен, я совсем не понаслышке знала о свойствах этого удивительного растения, способного одурманивать и погружать в продолжительный, крепкий и богатый видениями сон. Я решительно попинала окованным железом носком своего ботфорта по нижней планке входной двери, но дракон даже ухом не повел. Тогда я хулиганисто вытянула из пучка конопли длинный, гибкий стебелек и пощекотала мирно посапывающую морду. Эткин нехотя приоткрыл правый глаз.

– Киса, ку-ку! – радостно приветствовала я пятнадцатиметрового спящего красавца.

– Кто там? – недовольно буркнул гигант.

– Кто, кто – дед Пихто! – нахально представилась я. – Своих не узнаешь?

– Рыжая, сгинь! – плаксиво попросил дракон, прикрывая лапой массивную голову. –

Позавчера пили, вчера – пили, сегодня – опять пить придется...

– Ни, ни, – решительно запротестовала я. – Хватит надираться до беспамятства каждый божий день, так и спиться недолго.

– Издеваешься, да? А опохмелиться? – страдальчески заканючил Эткин.

– Мы на речку идем, купаться, хозяйка посоветовала, – жизнерадостно оповестила я. –

Она клянется что это, самое лучшее лекарство от головной боли.

Дракон медленно перевернулся на спину. Со двора донесся скрипучий звук окончательно завалившегося курятника и истошный вопль трактирщика. Я мысленно прикинула, не маловато ли драгоценный камень прихватила с собой из королевской сокровищницы Нарроны.

– Нет, – лениво начал перечислять гигант, для наглядности загибая когти на лапе, – чего-то не хочется. Вода еще холодная – раз, может хозяйка поднесет бочку другую пива для поправки – это два, и третье, – он задумчиво посмотрел на меня снизу вверх, – нехорошие вещи плывут сегодня по реке...

– Плывут по Роне? – не поняла я.

– Ага. – Дракон утомленно прикрыл слезящиеся с похмелья глаза.

– Что за выдумки?

– А сам не знаю, – расслабленно признался Эткин. – Всю ночь ужасы какие-то снились.

Я вышла из овина, задумчиво покусывая квелую, горькую травинку. В реке должна, нет, просто обязана водиться многочисленная, но абсолютно банальная рыба. Плотва там, ерши, хариусы всякие. И на этом в логическом обосновании разнообразия нормальной речной фауны обычно ставится большая, жирная точка. Все прочее можно запросто объяснить совокупным воздействием огромных доз низкокачественного спиртного и тяжелым, сладковатым запахом, обильно испускаемым подсыхающей коноплей.

Но острые уколы непонятной тревоги не отпускали.

«А не пошел бы ты куда подальше со своим гениальным предвиденьем, Эткин! Ну, скажите на милость, что еще такого необычного может приплыть по Роне?»

Глава 2

Пальцы, оканчивающиеся остро-заточенными ногтями, выкрашенными в пронзительно-алый цвет, раздосадовано побарабанили по изысканно изогнутому подлокотнику трона. Король Аберон Холодный изволил гневаться. И было от чего. Он едва сдерживался, кусая тонкие губы и поигрывая желваками, чтобы не наслать какое-нибудь нерушимое проклятие на своих нерадивых слуг. Нет, конечно не на всех, а для начала хотя бы вот на этих двоих растяп! Король неприязненно покосился на коленопреклоненные фигуры нерасторопных подданных. «Лучшие воины острова, опытные и закаленные в боях, и надо же – провалили такое элементарное задание, упустили негодного мальчишку!» – Аберон недовольно скрипнул редкими, кривыми, какими-то мышинными зубами. Один из провинившихся некстати поднял голову и тут же испуганно опустил глаза, встретившись взглядом со страшными, злобно расширенными зрачками своего Повелителя. Белесые, холодные, щелевидные зрачки, окруженные кровавой радужкой. Виновато согбенные плечи воина затряслись мелкой дрожью. «Спасите меня Пресветлые боги от этого... этого выроodka!» – промелькнуло в его воспаленном мозгу.

Король вздрогнул, выпрямился и откинулся на спинку трона. Некстати подслушанная неприятная мысль обожгла, будто удар вымоченного в соли кнута. Мстительно поджатые губы монарха не предвещали ничего хорошего.

«Знаю, – раздраженно размышлял Повелитель, – все вокруг называют меня одинаково! Даже когда подобострастно склоняются перед моей властью, запретной магией и знатностью нашего древнего рода! Дерзкие, двуличные лжецы! Любить и уважать меня вы не желаете, так значит, я силой заставляю вас бояться своего повелителя. Чего бы мне это не стоило, сколько бы еще крови не пришлось для этого пролить!» Король снова прищурил красные глаза, кажущиеся неопишимо отталкивающими на фоне его мертвенно-бледного лица. Пурпур бархатного колета разительно контрастировал с белой атласной обивкой трона и мраморными подлокотниками. Только белое и красное, всегда красное и белое – других цветов Аберон не признавал. И на то имелась веская причина.

Шеарран, король Поющего острова, происходящий из знаменитого рода эль-Реанон, женился поздно, даже по традиционным эльфийским меркам. Казалось бы, ничего не предвещало приближения беды. Предсказания янтр, жриц-пророчиц, посвятивших себя служению великой богине Аоле, сулили молодоженам лишь долгое безоблачное счастье, нерушимую любовь и одаренное талантами потомство. Но появление желанного, первого сына, как по велению недоброго рока, в одночасье и в дребезги разбило хрупкую чашу семейного согласия. Мальчик родился уродом. Нет, он не стал хромым, кривобоким или слабоумным. Тонкие черты Аберона хранили печать воистину королевского величия. Белоснежная кожа, роскошные серебристые локоны, умный высокий лоб, гордый подбородок. Первенец воистину и по законному праву носил титул наследного принца древнейшего из эльфийских родов. Но тонкогубый рот упыря, кроваво-красные глаза, лишённые ресниц и бровей – говорили сами за себя, вызывая чувство омерзения и гадливости у каждого, кто сталкивался с Абероном. Принц был альбиносом.

Трудно сказать точно, какая неправильная трансформация постигла сущность венценосного эльфа по выходу из Обители затерянных душ, отметив позорным клеймом извращенности не только его искореженную внешность, но, что оказалось хуже всего – и моральный облик. С юности Аберон проявлял пороки, обычно не свойственные нормальным детям – коварство, трусость, изворотливость и жестокость. Издевательства над беззащитными животными и птицами, доносы, мелкие, а со временем все более изощренные провинно-

сти, и прочие нелюбимые выходки, далекие от простого безобидного баловства – вот что стало любимым времяпровождением юного наследника престола. Он горячо ненавидел свою прекрасную сестру – принцессу Альзиру, презирал младшего брата – смиренного, вежливого Лионеля, сторонился заботливой матери и чурался отца-Повелителя. «В семье не без Аберона!» – со вздохом сожаления признавали не только опечаленные родители, но и все прочие обитатели королевского дворца. «Выродок!» – более прямолинейно говорили простолюдины. К тому же, принц оказался напрочь лишен музыкального дара, от рождения обязательно присущего другим жителям Поющего острова, славящимся прекрасными голосами и редкостным талантом к стихосложению. Сам же Аберон всегда изъяснялся резкими каркающими звуками, а вместо написания утонченных баллад увлекся ужасными и запрещенными тайнами некромантии. Именно за противоестественные, отталкивающие в своей бездушности опыты над трупами мертвых животных, а как шептались по углам – и людей, наследник и получил беспощадное прозвище – Холодный. Прозвище прижилось.

Позднее, глядя на подрастающего наследника, король Шеарран начал крепко задумываться – к чему способна привести передача престола, да и судьбы всего государства в столь ненадежные, пагубно слабые руки. Ибо Аберон преступно мало помышлял об общем благе, ставя превыше всего собственные амбиции и удовольствия. Куда больше на роль правителя подошел бы младший принц – Лионель, не по годам добрый и рассудительный юноша, по всеобщему мнению прекрасный и душой и телом. Король, как мог, пытался скрыть от старшего сына столь невыгодные для того планы, но Аберон заподозрил неладное и скрытно начал собственную, рискованную игру – отважно поставив на кон свободу и даже жизнь.

Учителей у принца не было никогда. Королевским отпрыскам преподавали риторику, философию, математику, танцы и прочие элитарные науки, которые Аберон считал пустой тратой времени. Но в полуразрушенных дворцовых хранилищах он однажды случайно отыскал запыленный сундук, запертый на увесистый ржавый замок. Ключа в замке не оказалось. Позаимствовав в караульной огромный штурмовой топор, принц в течение получаса истово трудился над неподатливым запором. Наконец замок не устоял и раскрылся. Восхищенному взору наследника предстала груда заплесневелых, переплетенных в светлую кожу книг. «Похоже, человеческая» – безразлично отметил альбинос, с нескрываемым вождением жадно поглаживая магические фолианты. С тех пор его тайные походы в заброшенный подвал участились, удлинились и постепенно вошли в привычку, вскоре – переросшую во всеобъемлющую страсть. Аберон путался в архаичном диалекте древних книг, портил зрение, дышал многовековой пылью и спорами плесневых грибов, но в итоге – добился желаемого. Поначалу обучение шло с трудом. Но принц оказался способным, а точнее – самородным, гениальным магом, обладающим крупными темной силы, по неведомо какой, и вероятнее всего ошибочной причине, помещенными в не предназначавшиеся для таких целей тело и разум. Незаметно миновало несколько лет, прежде чем Аберон убедился, что из искры разгорелся костер, а в последствии и жаркое, всепожирающее пламя. Миру явился новый маг – необузданный, могучий и не знающий пощады. Злодей, не любящий никого и, в свою очередь, никем не любимый.

Впрочем, рассуждая о всеобщей нелюбви к себе, Аберон намеренно кривил душой. У него все-таки водился один друг, давний, закадычный и необычный. Есть люди – которым необычайно идут любые пороки, а других – безобразят даже добродетели. Гнус принадлежал к расе гномов и состоял при дворцовой кухне, занимая положение всеми презираемого отщепенца. Остается только гадать, как смогли прекрасные эльфы, народ в общей своей массе добрый и отзывчивый, допустить подобную несправедливость? Но вот, тем не менее, не только допустили, но и одобрили. Когда-то очень давно, Гнус мечтал стать магом. Спокойный, услужливый паренек, неизменно вежливый и улыбающийся. Ну и пусть, что росту в нем было чуть больше чем у знаменитых рохосских догов. Ведь в любом человеке,

эльфе или гноме, самое главное не импозантная внешность – а красота внутренняя, духовная. Сметливый гном очень нравился великим эльфийским магам, снисходительно допустивших его в число своих, не учеников конечно, а для начала – всего лишь помощников. По принципу – принеси, подай, смешай вон те компоненты, да смотри – не перепутай. А после всего – пойди прочь. Но неглупый гном радовался и этому. И может, ждала бы его неплохая карьера кудесника-подмастерья, если бы в один черный день, передвигая потолочный кухонный крюк, он случайно не свалился в чан с кипящим маслом. Несчастного немедленно извлекли из огненной жидкости и излечили, ровно настолько – насколько это оказалось возможно. Гном выжил и постепенно оклемался. Но с той поры юношу безобразно перекосило, левая рука ссохлась и повисла серой, парализованной плетью, а покрытое ожогами лицо стало страшнее омерзительной личины самого непотребного демона. И имя его настоящее как-то мало-помалу забылось, сменившись презрительной собачьей кличкой – Гнус. Убогого уродца, из показной жалости, которая зачастую ранит людей намного сильнее открытой жесткости, не выгнали из дворца, а разрешили жить в темном углу под черной лестницей, иногда кидая туда объедки и поношенные лохмотья. Гнус замкнулся, озлобился и научился яро ненавидеть всех и вся. До тех пор, пока его однажды не отыскал малолетний принц-альбинос, который одел, накормил и приблизил к себе больного уродца – назначив личным, любимым шутом. Вот тут то Гнус и почувствовал удобную возможность отыграться на своих вчерашних обидчиках, ибо никакое моральное удовольствие в жизни любого живого существа никогда не сравнится с удовлетворением аморальным. И злопамятный шут начал мстить. Поскольку он всегда чрезвычайно успешно заметал мельчайшие следы своих проделок, то явных обвинений против него никто не выдвигал. Себе дороже. Но слухи никогда не рождаются на пустом месте. И наверно не зря намекали, что изобретательные выдумки Гнуса стали причиной падения тяжелой люстры, переломавшей немало рук и ног, и знаменитого отравления вкуснейшим раковым супом, от которого вроде бы скончался кто-то из самых заносчивых придворных, особо недолголюбивающих выскочку-шута. Часть же излишне бойких на язык и вообще исчезла бесследно. Гнуса начали бояться, пожалуй, даже сильнее, чем его высокородного покровителя. Гном же не боялся никого. Ведь если ты никого не боишься, значит, ты и есть – самый страшный.

Второй человек, не брезговавший обществом Аберона, стал полной противоположностью отвратительного, полупарализованного шута. Принц частенько исчезал с Поющего острова, иногда на месяц, а порой и на более долгий срок. Мир людей еще будоражили отголоски кровопролитной войны между эльфийскими кланами, сильно сократившей их число, и вынудившей отступить выживших на территорию изолированного, неприступного острова. В юном возрасте наследника томили неясные, трудно реализуемые мечты и желания, лишавшие его не только власти над собственными подданными, но и над самим собой. Кто не властен над собой, зачастую склонен помогать власти над другими. Аберон алкал всего одновременно – славы, силы, богатства и, конечно же, примитивной, но упоительно сладкой плотской любви. Запоздалое половое созревание, не чуждое и вечно молодым эльфам, вовсе давало знать о себе, требовательно волнуя кровь, и вызывая в сердце и чреслах неясное томление, называемой жаждой женщины. Аберон искал физических удовольствий.

Ее звали Маргота де Вакс, и она происходила из знатного, но обедневшего дворянского рода. Однажды, они случайно повстречались на лугу, где принц откапывал корневища золотого уса, а девушка собирала полевые цветы. Яркие лучи утреннего солнца, отразившись от серебряных эльфийских кудрей, и стали теми роковыми стрелами несчастной любви, насквозь пронзившими наивное девичье сердечко. Плащ из багряной парчи, подчеркнувший необычайность алых глаз юного альбиноса, совсем не напугал, а лишь сильнее привлек прекрасную Марготу. Аберон же в свою очередь, тоже был немного очарован безыскусной кра-

сотой шестнадцатилетней туземки. Каштановые косы девушки доверчиво сплелись с серебром его волос, узкие бледные губы соединились с вишневой мякотью ее свежих уст. Маргота обещала скорее умереть под пытками, чем выдать высокий титул своего царственного возлюбленного, среди людей считавшегося чем-то сродни демону. Эльфов в этих краях ненавидели и боялись. Они встречались тайно, всего несколько раз. Уже на втором свидании их надежно укрыл стог свежескошенной травы, послуживший преступным влюбленным и венчальным алтарем, и первым брачным ложем. А вскоре в жизни наследника наступили столь значимые перемены, что он и думать забыл о мимоходом соблазненной им деревенской простушке, давшей нерушимый обет вечной любви и верности. Интересовала ли Аберона ее дальнейшая судьба? Да ничуть! Мужчины, слишком часто, сознательно выбирают роль не обремененных излишней щепетильностью ценителей нетронутого цветочного нектара. Эгоистично собирают его с девственного букета невинности, а впоследствии – грубо отбрасывают за ненадобностью приевшиеся чувства, утратившую свежесть и новизну.

Несколько месяцев назад, Аберон уединенно сидел в своем рабочем кабинете и, сосредоточенно нахмурив лоб, медленно листал полуистлевшую рукопись, недавно и совершенно случайно приобретенную у заезжего рохосского купца. Культура и мифы этого небольшого государства мало интересовали ученого принца-альбиноса. Если разобраться, в самом Рохооском ханстве не было почти ничего необычного. Грубое захолустье, в котором всего-то две достопримечательности и имеются – роскошные псарни, славящиеся огромными, свирепыми догами, да дикорастущая трава янт, с пушистыми метелками, состоящими из мелких треугольных семян. Трава эта, впрочем, дала название целому жреческому клану, получившему чрезвычайно широкое распространение далеко за пределами Рохооса. Жриц-пророчиц, а проще – янтр, уважали даже эльфы. Целомудренные девы, посвятившие себя пожизненному служению богине Аоле и ее святым братьям, сжигали семена янт в высоких бронзовых чашах. Из тиглей струился горьковатый, одурманивающий аромат, погружавший жриц в состояние транса, под воздействием которого они и изрекали свои знаменитые, полубредовые пророчества. Наркоманки-янтры Аберона не привлекали вовсе, как и все немногочисленные рохоосские тайны. Но вот то, что находилось западнее крохотного государства... За страной трав и псарен начинался Край Тьмы – место проклятое и давно всеми забытое. По его границе проходила полоса неведомой магии, образующая барьер, переступить который не смог представитель никакой расы. Многие пытались достичь Края Тьмы, но редко кто из тех безрассудных смельчаков умудрялся вернуться назад живым и здоровым. Да и рассказывали они не много. Мрак, невыносимый холод и резкие уколы пронизывающей боли, отбрасывающей назад или сжигавшей на месте – вот то, что выпадало на долю отчаянных храбрецов. Наверно – за Краем Тьмы находился сам конец мира. Однако, практичный Аберон в это не верил.

Принц послунил палец и бережно перелистнул потемневшую от старости страницу. И как подобный бесценный манускрипт попал в руки безграмотных, нечистоплотных торговцев? Купец клялся и божился, что книга принадлежала самим Детям холода и входила в число Летописей Тьмы. В подобном утверждении можно было и усомниться, если бы Аберон уже не сталкивался с упоминаниями об этих давно утерянных документах в своих некромантических учебниках. Наследник озадачился. Вернее, он просто не верил в удачу, так легко и добровольно отдавшуюся в его жадные до всего магического, руки. В манускрипте точно указывалось место захоронения экземпляра Хроник Бальдура, одного из трех известных на сегодняшний день. Легендарное творение орочьего мудреца хранилось в Долине кленов, а в Хронике, в свою очередь говорилось о...

Аберон недоверчиво хмыкнул. Подобное просто не укладывалось в голове.

Дверь со скрипом приоткрылась. Наследник грудью навалился на стол, оберегая ценные бумаги от постороннего взгляда. С порога мерзко хихикнули. Альбинос немедленно узнал скрежещущий голос своего фаворита, поэтому неторопливо выпрямился с самым невозмутимым видом.

– Ты меня напугал, – нехотя признался Холодный.

Ответом ему послужил еще более неблагоприятный смешок. Принц обернулся.

У двери, неловко искривившись и опираясь на косяк, стоял низенький уродливый человек. Шутовской колпак с серебряными бубенцами, пошитый из золотой парчи крикливого оттенка, прикрывал распухшую голову, усеянную шрамами и шишками. Из-под нелепого головного убора выбилось несколько жидких прядей волос, неопределенного пегого цвета. В правой руке шут сжимал гротескный скипетр, вырезанный из берцовой кости человека, левая же – ссохшаяся и навечно полусогнутая, висела мертвым бременем. Лицо уроды пугало даже самых храбрых, закаленных в боях бойцов.

– Ну не маячь же ты на пороге Гнус, заходи, – сердито приказал Аберон.

Гном повинился, медленно переваливаясь на ходу и скорбно звеня бубенцами. Он остановился около принца и по-собачьи преданно заглянул ему в глаза. Наследник, жестом – отдаленно похожим на ласку, погладил шута по угловатому, криво склоненной на бок плечу.

– Все читаешь! – то ли спрашивая, то ли утверждая, издевательски прошипел Гнус.

– Читаю, – пожал плечами альбинос. – А что?

– Ну, дочитаешься скоро, умник! – пророчески пугнул урод.

– Да что стряслось то? – недовольно нахохлился принц.

Гном плюхнулся прямо на пол, на мохнатый белоснежный ковер, расшитый геральдическими розами, с довольным видом опустил мертвую руку на толстый мягкий ворс и закаркал:

– Лежу я, значит, сегодня спокойнехонько в кустах магнолии, никого не трогаю, устройство новое, хитрое налаживаю, а...

– Это какое-такое устройство? – заинтересованно перебил Холодный.

Гном похотливо ухмыльнулся:

– Система шнурочков-кручочков-зеркал. Придворным стервам-фрейлинам кринолины приподнимать и под юбки заглядывать. А то, говорят, при дворе новая мода на прозрачные панталоны завелась.

Принц иронично улыбнулся:

– А как поживает та пятнадцатилетняя милашка-орочка, что я подарил тебе в прошлом месяце?

Гнус недовольно засопел:

– Дрянь девка оказалась! Все ныла да отбивалась, не давалась, ну я и решил ее малость поучить уму-послушанию. Сначала розгой гибкой, потом железкой каленой, потом на дыбе маленько, а потом...

– А что потом? – с любопытством переспросил наследник.

Гнус притворно-опечаленно отвел глаза, хотя на его уродливой морде не отразилось ни малейшего раскаяния:

– Преставилась орочка!

– Померла? – Аберон запрокинул голову и громко, весело расхохотался. – Ай да шут, ну ты и пошутил!

Гном горделиво выпятил тощую грудь:

– А с бабами иначе и нельзя. Все они стервы и шлюхи!

Аберон согласно кивнул. Слова фаворита задела его за живое. Не к месту вспомнилась Лилуилла, но принц гневно мотнул головой, отгоняя непрошенные мысли.

– Так вот значит, лежу я себе в кустиках, в зимнем саду, – спокойно, как о чем-то будничном, рассказывал шут, – а тут вдруг идут по дорожке ваш батюшка-король и ваш сладкий братец, и мило так между собой беседуют...

– О чем? – напрягся Холодный.

Гнус состроил безразличную мину и даже принялся фальшиво насвистывать какую-то неприятную мелодию. Аберон скрипнул зубами, сорвал с пальца перстень с крупной жемчужиной и бросил его шуту. Урод на лету поймал драгоценную подачку, не глядя ловко сунул в карман и услужливо продолжил:

– Так предлагает ваш папенька принцу Лионелю трон вместо вас унаследовать, а вам в утешение выделить небольшой надел, например – Винсайский заповедный лес, да деревенок самых заваливающих – штук двадцать.

– Ах, вон оно что! – угрожающе протянул альбинос, хищно прищуривая алые глаза. – Обойти меня хотят, законных прав на трон лишить, да заткнуть рот куском земли с парой сотней вилланов. Не выйдет!

– Вот и я думаю, что не выйдет! – с готовностью поддакнул гном.

Принц опустил голову на грудь и ненадолго задумался. Потом решительно встал и вынул из шкафа плащ ненавистного черного цвета.

– Пойду-ка я прогуляюсь в лавку к Кире, – он предусмотрительно прикрыл голову широким капюшоном, совершенно скрывавшим его черты. – Посоветуюсь кое о чем!

Гнус, прекрасно знавший, о чем идет речь, согласно кивнул.

На Поющем острове проживали не только эльфы, вернее, эльфы изначально составляли весьма малую толику всего разномастного и разноплеменного населения. Когда-то, в разгар войны, после загадочного исчезновения Храма розы, на остров вместе с благородной расой перебрались и их верные слуги и союзники – орки, гномы и даже люди. С тех пор число последних продолжало неуклонно возрастать с каждым годом, в отличие от бессмертных господ, которых оставалось не больше нескольких сотен. Но прекрасную столицу Ширул-эль-шэн «Стон опавших лепестков синей розы», или как ее называли чаще – Ширулшэн, строили по исконным эльфийским канонам. Просторные площади и мостовые, вымощенные синими и серыми мраморными плитками, утонченные фонтаны, окаймленные серебряной чеканкой, сады и статуи, и как венец всего – изящный, будто выточенный из хрусталя королевский дворец, резиденция правящего рода эль-Реанон. Даже черствый на душу Аберон, и тот невольно замедлил шаг, любясь резными балконами и золотыми шпилями своего воздушного замка, казалось, невесомо парящего над тихим городом. Стройные колонны, увитые стеблями геральдических синих роз, парадное крыльцо о тридцати ступенях, крытых узорчатой ковровой дорожкой, гнедые и рыжие жеребцы, горделиво гарцующие на лужайке... «И все это добровольно уступить рохле Лионелю? – на миг мелькнуло в голове. – Да ни за что! Только через мой труп! Уж лучше я сдохну, или, – отвергнутый наследник до крови прикусил нижнюю губу, – или я сам их всех убью! Всех! Отца, мать, брата, сестру Альзиру...», – тут Аберон неожиданно решил проявить милосердие. – Альзиру можно и помиловать, все равно она не в себе и вреда от нее никакого, ровно – как и пользы».

Принц свернул в узкую боковую улочку. Из ближайшей харчевни плыли аппетитные запахи, дразня голодный желудок. За суетой и волнениями, Холодный забыл позавтракать. В двери высунулся упитанный поваренок, зазывая благородного господина заглянуть ненадолго – перекусить жарким из кролика или полакомиться подрумяненной свиной отбивной.

«Знаю я ваше хваленое меню, – беззлобно усмехнулся альбинос. – Жаркое, небось, час назад еще мяукало, а свинина на самом деле гнилая собачатина третьего сорта, рубленая вместе с будкой».

Он обогнал компанию толстых орок, пышными телесами перегородивших всю улицу и упоенно сплетничавших в полный голос о том, какого крупного леща словила сегодня утром белобрысая Марта, жена невезучего рыбака Симона, забывшая разбудить мужа к пятичасовому лову... Миновал лавку садовых принадлежностей, магазинчик игрушек и толкнул неприметную, притаившуюся в тени бурой кирпичной стены, дверь крохотной лавчонки. В глубине помещения приглушенно звякнул колокольчик. Аберон тщательно закрыл за собой дощатую створку и подошел к неопрятному прилавку. Тряпичная, цветастая занавеска, замедившая дверь подсобного помещения отодвинулась, и из-за нее выступила сама хозяйка.

Красивые женщины редко рождаются умными. Кира была умна. Маленькая, невзрачная с виду лавчонка, скромно притулившаяся между двумя соседними, более солидными и заметными домами, давала ей пусть не большой, но стабильный доход. Бизнес процветал и ширился год от году. Кира торговала свечами. Среди ее клиентов числились не только богатые купцы и эльфы-дворяне, проживающие в аристократическом квартале, но с некоторых пор и сама королевская семья. Роскошный дворец клана эль-Реанон ежедневно потреблял огромное множество самых разнообразных свечей. Толстых, долго сгорающих, из дешевого желтого воска и пеньковым фитилем – для кухни. Тонких, витых, ароматизированных лавандой и жасмином, закрепленных на основе из шелковой нити – для монарших покоев. Высокие, белые, не дающие чада – заказывал принц Аберон, любящий допоздна засиживаться в своем тайном кабинете. Но все это служило лишь удобной вывеской, умело маскировавшей истинное занятие владелицы лавки – Кира из-под полы противозаконно приторговывала контрабандными магическими вещами и привозными амулетами. На почве этого преступного занятия, под страхом смертной казни давно запрещенного на Поющем острове, она и познакомилась с нелюдимым альбиносом.

Наследник с неподдельным любопытством разглядывал неоднократно виденное и хорошо знакомое лицо ушедшей торговли. Кире можно было дать и тридцать и пятьдесят лет, в зависимости от освещения и того, насколько долго засиделась она накануне вечером в ближайшей пивной. Хозяйка доходного бизнеса не чуралась крепких напитков и случайных любовных утех, благо мужа у нее никогда и в помине не водилось, а наградить детьми Пресветлые боги ее отчего-то вовсе не торопились. Ну, богам то всегда в таких щекотливых вопросах виднее, как, и почему конкретно, следует поступить с тем или иным человеком. Язык не поворачивался назвать плоское, рябое лицо этой рослой женщины, щедро испещренное плохо зажившими в детстве оспинами, красивым, но и совсем уродливой она тоже не выглядела. Кира даже была отчасти, в некоем специфичном смысле этого слова, вполне лакомым кусочком для какого-нибудь смелого любителей крепких форм и не менее крепкого характера. Вот и сейчас, решительно уперев лоснящиеся от воска кулаки в квадратные бока, хозяйка отважно встретила пристальный, кроваво-красный взгляд своего титулованного клиента. Присесть в реверансе она и не подумала, только слегка склонила черноволосую, гладко прилизанную голову. Слишком много глубоко запрятанных секретов связывало ее с этим необычным покупателем. Аберон криво улыбнулся и чуть наклонился над прилавком, брезгуя прикоснуться хоть краем плаща к его зеркально-блестящей столешнице. Впрочем, в лавчонке блестел и лоснился каждый предмет, потому что воск и лярд неизбежно проникали повсюду, покрывая все предметы обстановки тончайшим, маслянистым налетом.

– Здравствуйте, ваше высочество! – приветствовала постоянного клиента Кира.

Холодный благосклонно кивнул:

– Скажи-ка мне, милейшая хозяйка, посланец из дворца еще не успел забрать свежую порцию товара?

– Вечером должен пожаловать, – Кира поманила альбиноса за собой и показала ровный штабелек нескольких сортов свечей, упакованных в бумагу с гербом правящего рода – изображением хрупкого, полураспустившегося бутона знаменитой синей розы.

Аберон глухо кашлянул, пытаясь скрыть охватившее его ликование:

– Думается мне, дражайшая Кира, ты тоже не испытываешь особой любви ни к моему батюшке-королю, ни к Высшему магическому совету?

Торговка злобно сжала пудовые кулаки:

– Да задери их всех голодные гоблины! Из-за их дурацких эдиктов и запретов на открытую торговлю магическими артефактами, я теряю большую часть доходов и разоряюсь на взятках начальнику портовой таможни!

Принц довольно потер руки:

– А если бы королем вдруг стал я, да в придачу – еще даровал тебе патент на право единолично торговать всем, чем вздумается?

– О, ваше высочество! – хозяйка упала на колени.

– Ясно! – благожелательно заключил наследник. – А скажи-ка мне еще вот что, свечи для заседания магов тоже поставляешь ты?

– А как же! – грязный палец хозяйки указал на отдельную стопку толстых как полено свечей, дающих не только свет, но и тепло. Два раза в месяц по тридцать штук, точно день в день, непременно заказывает один и тот же доверенный слуга Главного архимага, и как раз именно сегодня к вечеру он должен забрать очередную партию...

Услышав последние слова, Аберон поднял глаза к низкому, осклизлому потолку, мысленно вознося благодарность благосклонной судьбе. Все оказалось даже намного проще, чем он рассчитывал.

– Хочешь все изменить, ну и отомстить заодно? – шепнул он в самое ухо торговки.

Темные глаза Киры вспыхнули желтым демоническим огнем, злорадная гримаса искажала рябое лицо:

– Я как всегда к услугам вашего высочества!

Принц извлек из складок плаща небольшой плотный мешочек и протянул его хозяйке. Кира с интересом взвесила руке почти невесомый сверточек:

– Что это?

– Размолотый в пыль корень черной мандрагоры, – понизив голос, пояснил наследник, – сильнейший в мире яд, свойства которого многократно усилены соответствующими заклинаниями!

Лавочница испуганно отшатнулась, разжимая ладонь. Но, повинуясь короткому жесту альбиноса-некроманта, мешочек послушно завис в воздухе, не успев упасть на пол. Аберон довольно хохотнул.

– Не бойся, яд становится активен только при контакте с огнем. Сгорая, он источает губительные пары, никак не ощущаемые, но тот – кто вдыхает их хотя бы в течение получаса... – он хищно прищурился, – уже никогда не увидит следующего заката солнца и проживет не более полусуток.

Не задав более ни одного вопроса, Кира вытянула из пачки, предназначавшейся для заседания Совета магов, в котором всегда принимал участие и король Шеарран, одну свечу, положила ее в форму и поставила на огонь. Вскоре воск размяк. Тогда она сделала тонкий желобок в самой сердцевине свечи, почти по всей ее длине, и осторожно всыпала в него белый, кристаллический порошок. После этого форму с воском снова нагрели. Остывшее смертоносное изделие ничем не отличалось от своих товаров, будучи уложенным обратно, в глубь пачки. Работу выполнили мастерски. Принц и его сообщница обменялись довольными взглядами, а затем Аберон выложил на прилавок увесистый кошелек с золотыми монетами

и, приложив палец к губам, будто напоминая Кире о необходимости хранить молчание, бесшумно покинул лавку.

Полуденное солнце сияло высоко на небе, щедро изливая тепло и саму жизнь. Улицы, заполненные народом, оглушали веселым гомоном. Холодный, низко надвинув капюшон плаща, скользил незаметной тенью, не привлекая чьего-либо внимания. Альбиноса обуревали мысли и одолевали сомнения. У каждого из нас есть великая мечта, которой так и суждено остаться не реализованной. Ведь мечтания, исполненные или исполняющиеся – превращаются в действительность. Но альбинос уже не грезил, он вынашивал далеко идущие, реальные планы. Но для этого ему требовалось скорейшее воплощение двух замыслов, а именно – свеча, зажженная на заседании совета, и... некроманту срочно понадобился союзник. И он отлично знал – где его следует искать!

– Если судьба ко мне благоволит, значит не пройдет и недели, как все маги острова, включая моего, мнящего себя очень умным и дальновидным батюшку, перемрут словно мухи! Поэтому – поторопимся! – мысленно подстегнул себя принц, бодро шагая по направлению к дворцу.

Совесть его не мучила.

Глава 3

Картина вырисовывалась неправдоподобно идиллическая, так и просившаяся на страницы какого-нибудь куртуазного эльфийского романа, самого нелюбимого мною жанра в литературе. Солнышко начинало медленно раскошегариваться, прогоняя птичек в прохладу развесистых кустов, травка упруго приминалась под ногами, Ланс весело насвистывал какую-то пошлую песенку, Оггур кряхтел, я хмурилась. «Ну, Эткин, ну овин летающий, да к тому же еще и не кукарекающий даже, а чего-то зловеще каркающий, – взвинчено размышляла я, рассеяно топая по шелковистой траве, – умудрился ты таки мне с утра настроение испортить. Помилуйте нас Пресветлые боги, но слишком часто ты оказываешься прав, да и опасность обычно словно нутром своим объемистым, ненасытным, за сто верст чуешь. Так и хочется надеяться, что хотя бы на этот раз твоя драконья интуиция ошибается с похмелья, и ничего страшного не случи...»

Где-то впереди внезапно раздался тонкий, душераздирающий визг. Я болезненно поморщилась и поковыряла пальцем в зазвеневшем ухе. Орк, по-видимому, только-только начавший понемногу отходить от убойного действия алкоголя, снова схватился за виски, с размаху уселся на траву, и предпринял слабую попытку на четвереньках отползти в ближайшие прохладные кусты – тут же пресеченную бдительным полуэльфом. Я выругалась сквозь зубы и завертела головой, отыскивая источник неприятных звуков. Долго искать не пришлось. Прямо на нас, сломя голову, неся чумазый мальчонка лет семи, в раздувающейся как парус, рваной рубашонке до пупа. Голенастые ноги, щедро изукрашенные зеленым речным илом, так и мелькали. Широко раскрытый рот издает ужасающие по пронзительности крики. Не иначе, мальчуган встал сегодня еще до восхода солнца и собирался ловить рыбу. Но что могла так сильно напугать бывалого рыбака, продолжавшего оглушительно выть на одной низкой ноте, заставлявшей болезненно вибрировать наши барабанные перепонки?

– Да что случилось то? – не выдержав, в свою очередь заорала я, пытаюсь перекрыть голос малолетнего крикуна. Мальчишка немедленно вышел из состояния шока, прихлопнул рот и залился потоком слез. Но к несчастью, в этот же самый миг, сзади нас совершенно не к стати прозвучал басовитый окрик трактирщика:

– Ванко, чаво ты голосишь ни свет, ни заря, словно нежить болотная? Распугаешь мне всех постояльцев!

Получив подкрепление в лице грозного родителя, чумазый Ванко смачно шмыгнул сопливым носом, набрал побольше воздуха в шуплую грудь и взвыл со свежими силами:

– Тятя, тятя, наши сети притащили мертвяка!

– Мертвец? – Оггур неодобрительно покосился в сторону толстого трактирщика. – Мелеана, я же тебе говорил, что у них что-то не то с овсяными лепешками, зря ты мне не веришь!

– А где наш ручной дракон? – взволнованно замотал роскошными волосами пустоголовый красавец Ланс. – Что-то его не видно сегодня? Он случаем не сдох? Я бы точно помер, если бы пил также как он!

– Надо бы на этот сомнительный трактир Марвина с Саймонариэлем напустить, пусть проведут санитарную инспекцию на кухне, особенно внимание на лепешки обращая. И хозяйка у них что-то подозрительно на ведьму смахивает. Она мне вчера несколько раз подмигивала игриво, и даже пыталась меня по заднице погладить! – во весь голос, упрямо гнул свое настойчивый орк.

– Как, прямо так и подмигивала? – возмутился полукровка, угрожающе выставляя вперед длинные пальцы, оканчивающиеся изящными, ухоженными ногтями.

– По заднице? – опешил хозяин.

– Да я то тут причем? – отнекивался смущенный тысячник, локтем прикрываясь от праведного гнева ревнивого Ланса.

– Жена! – возмущенно возопил хозяин и, сотрясающей землю рысцой, бодро устремился к дому.

Глядя на эту трагикомедию, мне хотелось смеяться, если бы не звонкие колокольчики недоброго предчувствия, что есть мочи звеневшие в душе, да не панически расширенные глаза перепуганного малыша, жмущегося ко мне в поисках защиты. Я присела на корточки и заглянула в полосатое от потоков слез, личико Ванко.

– Не плач, ты же будущий мужчина! Ну-ка расскажи мне все по порядку, кого и где ты нашел на реке?

Мальчик восторженно погладил кончиком указательного пальчика мою золотую маску, еще более восхищенно покосился на возвышавшуюся над плечом рукоять Нурилона, проникся абсолютным доверием и сбивчиво заговорил:

– Так значит это, пришел я утром сети проверять, а в одной из них чудовище неведомое запуталось, не иначе как оно по воде приплыло!

« Ну, Эткин, – мысленно ахнула я, – ты про реку так точно напророчил, будто в воду глядел!»

– А на кого похоже это чудовище?

– На лошадь, с человеческой головой! – уверенно выпалил Ванко.

Огвур многозначительно приподнял кустистую бровь.

– Ну и дела! – по своему обыкновению выдал Ланс.

« Да что же это такое? – размышляла я. – Совпадение или не случайность? Только мы собрались в Долину кленов – искать пропавшие документы, как словно по заказу, по Роне поплыли мертвые кентавры»

– Может мальчик ошибся и это просто изуродованная деревенская кляча? – предположил орк.

Но малыш не ошибся.

Подтверждением этому стали разноголосые вопли, встретившие нас на берегу реки. Кричали и выли все наперебой. Томно закатывала глаза сдобная, конопатая девица с расписным коромыслом и пустыми ведрами, валявшимися поодаль, смачно сквернословили дюжие деревенские мужики – плясая куда-то в заводь, и с надрывом, словно по мужу, подвывала крутобедрая баба в подоткнутой до колен юбке.

– Панталоны я простирнуть собиралась, они ведь новые ищщо совсем, кружевные, столичные, а как увидела это..., – баба махнула дебелой рукой в сторону зарослей осоки, – так отраду свою из пальцев от растерянности то и выпустила...

Не дожидаясь конца горестного повествования о трагической судьбе уплывших подштанников, я перевела взгляд в ту сторону, куда скорбно указывал толстый, красный палец растяпы-модницы. Среди камышовой зелени и впрямь, четко виднелось что-то белое и обширное, но мое внимание привлек вовсе не эксклюзивный шедевр нарронских галантерейщиков. На небольшой отмели, сразу за удобной для рыбалки заводью, отчетливо виднелось необычное тело, опутанное рванными сетями.

– Ой! – потрясенно вскрикнул Ланс, хватая меня за локоть. – Это конь или мужчина?

– И то и другое вместе, – совершенно трезвым голосом ответил Огвур. – Только он там не один!

И точно, в толще чистой воды явственно просматривалось еще несколько трупов, синюшных и раздутых от долгого пребывания в реке. Я вбродь перешла заводь, едва достигавшую мне до пояса, и приблизилась к мертвому кентавру. Это оказался воин в расцвете лет, железный нагрудник прикрывал выпуклую как щит грудь, на мощном торсе болтались пустые ножны от меча. Приятное лицо украшала пушистая русая борода. А рядом с ним

покоилась совсем юная дева, красавица серебристой масти с длинными белокурыми локонами. Голубые, широко распахнутые глаза кентавры отражали искреннее недоумение, смешанное со смертельной боязнью неумолимо надвигающейся смерти. Страшная рана пересекала живот девушки, а в разрезе, к моему величайшему ужасу, четко проступало гниющее тельце едва сформировавшегося жеребенка... Убить женщину, готовящуюся стать матерью!.. По моей челюсти заходили желваки, гнев забурился в крови. Хотелось бы мне знать, какой изверг осмелился совершить подобное злодеяние, да еще на моей земле?

– Посмотри, – тысячник вовремя отвлек меня от гнетущих раздумий, – никогда прежде не видел подобных ран! Их что, стеклом резали?

– Нет, – я наклонилась к телу, сочувственно ощупывая края странных, глубоких и ровных порезов, – не стеклом. Раны еще и подморожены, а поэтому – почти не кровоточили, но один удар подобным оружием способен почти полностью перерубить корпус взрослого кентавра. Если бы это выглядело правдоподобным, я бы осмелилась предположить, что раны нанесены льдом!

– Ты сама то веришь в подобную версию?

– За неимением лучшей, – покачала головой я.

Орк ухватил себя за заросший щетиной подбородок и крепко задумался.

– Я отлично помню карту, значительно подправленную Марвином и Саймоном. Там, высоко в горах, две реки соединяются – образуя одну, связанную порогами и водопадом Тысячи радуг, а ниже они вновь разветвляются на Лиару и Рону. – Пояснила я.

Орк согласно кивнул:

– Теперь понятно, как тела убитых попалив наши края. Ничего не скажешь, ценный подарок преподнесла Лиара свой сестре Роне.

– Хорошо хоть они до столицы не доплыли, – с облегчением признала я. – А то вот бы паника там началась...

– Они еще от свадьбы не отошли!

– То-то и оно, – поддакнула я. – Этих кентавров мы похороним, и отправимся в Долину кленов, мы же все равно туда собирались.

– А ты не боишься? – покосился на меня орк.

– Меня другое беспокоит, – задумчиво произнесла я. – Судя по всему – кентавры и сами бойцы не из последних. Но если они не сумели защитить своих женщин, значит, встретились с неведомым противником, многократно превосходящим их силой. И еще, кого-то из врагов они все же должны были убить? Почему же по реке не плывут трупы чужаков?

Орк бессильно развел руками:

– Всецело согласен с тобой, Мелеана. Тут что-то не чисто!

– А судя по состоянию тел, в воде они провели не меньше недели, потому что скопившиеся газы... – я не успела закончить фразу.

Аберон небрежно сбросил на пол кабинета свой широкий черный плащ и подошел к стеллажу с книгами, занимавшему целую стену. Многие из обитателей дворца были вхожи в эту рабочую комнату, служившую наследнику и убежищем от мира, и личными апартаментами, но никто кроме Гнуса даже не догадывался о дополнительной потайной лаборатории, скрывавшейся за шкафом для книг. Холодный нажал на корешок толстого тома «Подробное описание жизни и деяний короля Абалдона V» и потянул на себя тонкую брошюрку «Рецепты приготовления ста пятидесяти блюд из филе кошки». Книжный стеллаж бесшумно повернулся вокруг собственной оси, открывая узкий, зияющий темнотой проход и начало каменной лестницы, уводящей куда-то вниз. Из подвала неприятно тянуло сквозняком и сыростью. Принц зябко поежился и, бережно прикрывая ладонью трепещущий огонек свечи, начал долгий спуск в лабораторию. Он отсчитал ровно сто ступеней и достиг

коридора, стены которого еще сохраняли часть ранее облицовывающих их плиток из черного мрамора. Альбинос знал, что преодолел лишь малую часть длинного, опасного пути, по легенде – ведущего к самой галерее Трех порталов. Но, не смотря на всю свою магическую силу и богатый опыт в подобных щекотливых делах, даже он, могучий некромант-самоучка, никогда не осмеливался спускаться ниже, опасаясь повстречать необычных существ, безусловно, проживающих на нижних ярусах. Коридор окончился бронзовой дверью, приведшей принца в комнату, где он хранил редкие книги и манускрипты, а, кроме того, величайшую святыню, найденную им на дне того самого сундука с некромантическими рукописями. Сейчас это вещь покоилась в центре комнаты, водруженная на специальный поставец и окруженная десятком масляных светильников, позволяющих рассмотреть малейшую деталь бесценного артефакта.

Это был портрет, изображавший молодого белокурого мужчину, вставленный в простую деревянную раму. Наследник сотни раз подходил к удивительной картине, всматривался в черты, одновременно отображавшие и самое наивысшее благородство и самые низменные пороки, но никогда не осмеливался даже попробовать установить контакт с живым прототипом нарисованного на холсте красавца. Лицо мужчины пугало и притягивало одновременно. Холодный безмерно удивлялся энергетике неживого образа, прекрасно понимая, кем на самом деле являлся этот странный субъект. Но теперь время пришло.

Аберон неторопливо зажег все светильники, достал книгу заклинаний, открыл на нужной странице и на распев произнес несколько слов. На один краткий миг язычки пламени, заключенного в бронзовые чаши, погасли и тут же вспыхнули вновь, еще ярче и яростнее. Но этого мгновения оказалось достаточно. Загадочный портрет ожил. Белокурый мужчина облегченно вздохнул и расслабил руки, до этого – высокомерно скрещенные на груди, поверх богатого одеяния, сплошь усыпанного алмазами. Черные, изящно очерченные брови недовольно нахмурились:

– Кто посмел, – сердитой скороговоркой бормотнул он, моргая золотистыми глазами как человек, резко попавший из темного помещения под лучи ослепительного света, – так неожиданно и в самое не подходящее время...

Тут взгляд белокурого наконец-то сумел сфокусироваться на фигуре почтительно коленапоклоненного Аберона. Несколько томительно долгих минут красавец с портрета пристально рассматривал смущенного альбиноса, а потом – залиvisto расхохотался:

– Прелестно! Эльф, да к тому же еще некромант и альбинос! Большой насмешки судьбы мне и встречать то не приходилось. Прелестно, заberi меня Аола!

Холодный гневно стиснул кулаки.

– Ну, ну, не кипятись так. – Насмешливо успокоил его золотоглазый. – Я просто привык к тому, что эльфы уже слишком долгое время скрываются на своем неприступном острове, избегая любого контакта как с потенциальными врагами, так и с потенциальными союзниками. О, эльфы умны! – подобный комплимент из уст незнакомца прозвучал скорее как оскорбление. – Из двух зол они не выбрали ни одного!

– Ваше высочество мудр! – снова поклонился альбинос. – Он здраво оценивает ситуацию. Но неужели даже такой великий маг как сам гранд-мастер Астор – принц демонов, пренебрежет случайно выпавшей возможностью заключить обоюдовыгодный союз?

– Хм, – задумчиво ответил Астор, словно на подоконник, складывая на раму картины свои прекрасные, униженные перстнями руки. – А ты не дурак! Не стану скрывать от тебя – положение у нас шаткое, проклятая рыжеволосая девчонка затеяла повторный штурм Нарроны. Что-то мне подсказывает, что она таит от нас сильный козырь, в нужный момент способный доставить мне и сестре массу неприятностей. Особенно теперь, когда принц Ужас тяжело ранен...

Аберон согласно кивнул. С помощью магического кристалла он имел возможность регулярно наблюдать за всеми происходящими вне острова событиями, и оказался прекрасно осведомлен о положении дел под стенами столицы людей.

– Девчонка настырная, такая не отступится..., – протянул Астор, видимо, мыслями витая в каких-то далеких, одному ему ведомых облаках.

– Но ведь вы тоже не станете сдавать позиции! – подначил его Холодный.

– Конечно нет! – совсем по-мальчишески возмутился принц демонов, лицо его залилось краской гнева. – Мы намного сильнее и опытнее, чем какая-то самоуверенная, семнадцатилетняя негодница. Хотя, клянусь гробом Аолы, принцесса – само очарование! А какие у нее груд..., – принц кашлянул, влюбленно хлопнул ресницами и умолк с самым рассеянным видом.

«Только этого еще не хватало, – недовольно подумал Аберон. – У меня серьезные проблемы, Астор может стать могучим союзником, а он – похоже, совсем некстати чересчур увлекся рыжим отродьем королевы Смерти!»

– Ваша милость! – альбинос попытался тактично вернуть на землю не на шутку размечтавшегося гранд-мастера.

– Ась! – встрепенулся Астор. – А так думаю, что ты вызвал меня не ради моих прекрасных глаз?

Аберон угодливо хихикнул, показывая, что по достоинству оценил юмор принца демонов:

– Ваше высочество, я желаю стать королем Поющего острова и преданным вассалом вашей могущественно семьи, но для захвата власти не необходимы ваши легионы, состоящие из демонов, горгулий и умертвий.

– Дам, – коротко пообещал Астор. – Но что я получу взамен?

– Это, – эльф протянул в картину рохосскую рукопись.

Белокурый небрежно, двумя пальцами принял потрепанную книгу. Лениво пролистнул несколько страниц... золотистые глаза медленно, изумленно расширились... Астор вздрогнул, шокировано икнул и судорожно прижал к себе бесценный манускрипт.

– Где, – спросил он дрожащим голосом, – где ты взял это?

Аберон скромно улыбнулся:

– Не важно. Мне просто повезло. Но теперь, если поторопитесь, вы сможете первыми найти спрятанный экземпляр Хроник Бальдура, пробудить Детей холода и обрести невиданную доселе мощь!

– Ну и ну! – принц восхищенно прищелкнул пальцами. – А я то прежде ошибался, неизменно считал легенды о Крае Тьмы всего лишь страшными сказками!

– В каждой сказке обязательно скрыта доля истины, – с наставительным видом сказал Аберон.

– Заметано! – белоснежная кисть с черными когтями выдвинулась из картины, и встретила с другой, оканчивающейся кроваво-красными ногтями. Союзники скрепили договор крепким рукопожатием.

Оба они не знали главного – некоторые сказки безопаснее всего навсегда оставить всего лишь сказками!

Я не успела закончить недосказанную фразу. В небе над нами возникло стремительно приближающееся и все увеличивающееся в размере черное пятно. Явление сопровождалось громким свистом.

– Сейчас рухнет прямо на этот симпатичный бережок, – спокойно заметил Оггур.

– Ну и дела! – привычно ввернул Ланс.

Народ с визгом бросился врассыпную.

Орк оказался прав. Спустя мгновение, темный тряпичный сверток звучно грянулся о землю в каком-нибудь десятке шагов от наших ног, встрепенулся, развернулся и превратился в... молодую черноволосую женщину, одетую в элегантный кожаный костюм. Незнакомка эффектно отбросила за спину полы широкого плаща, напоминающего крылья, и повернула к нам нежное смуглое лицо, обрамленное роскошной копной иссиня-вороных, завивающихся в спирали локонов. Я невольно залюбовалась ее четко очерченными, впалыми щеками, звездоподобными антрацитовыми очами и коралловыми губами. На мой взгляд, красавицу портило только одно – излишняя худоба, впрочем, придававшая ей особый, какой-то совершенно нечеловеческий шарм. В руке девушка уверенно сжимала золотой посох, увенчанный хрустальным шаром.

– Старшая некромантка, – навскидку определили орк. – Не высшая, конечно, но и такая ступень очень даже не плохо для столь юного возраста!

Я скептически хмыкнула. Помнится мне, белокурый красавец с портрета, спокойно оперировавший веками, тоже выглядел от силы на двадцать лет! Внешний вид вообще, чрезвычайно обманчивая штука. Вот взять хотя бы Ланса, в свои триста с хвостиком не тянувшего даже на неполные восемнадцать.

Чернявая девица, к которой я почему-то сразу же прониклась неосознанной, но весьма сильной неприязнью, властно взмахнула посохом, указывая вверх по реке:

– Уходите жалкие букашки, прячьтесь в свои норы, потому что они – приближаются?

– Вы призываете нас бежать? – удивленно приподнял выщипанную бровь полукровка.

– Да, и причем – со всех ног, – пренебрежительно подтвердила незнакомка. – Вам ли, бессильным, тягаться с ними! А могучая Гельда останется здесь и одна примет бой!

– Ну, знаешь ли, девочка, мы, однако, тоже не пальцем деланы! – благодушно пробасил Оггур, демонстративно покачивая грозной Симхеллой.

Но девица не соизволила обратить на секиру ни малейшего внимания:

– Да как ты смеешь называть меня девочкой? Я – могущественная колдунья!

– Минутку назад мы невольно оказались свидетелями не твоего ли поспешного бегства, о великая и грозная? – язвительно прожурчал Лансанариэль.

– Чего? Какое наглое вранье! – сердито надула губы Гельда. – Это было всего лишь, как это, а вспомнила – преднамеренное тактическое отступление с целью завлечения противника вглубь незнакомой ему территории. – Выпалив эту пышную, явно заученную по учебнику фразу, она высокомерно приосанилась.

– Не стоит ослаблять себя по неосмотрительности. Давайте лучше объединим наши силы и совместно встретим неведомого врага, – любезно предложила я.

Девица присмотрелась ко мне повнимательнее и заверещала разъяренным хорьком:

– Тебя трудно спутать с кем-либо еще! Ты и есть та самая ненавистная моей госпоже Сумасшедшая принцесса!

– Ба! – насмешливо резюмировал Ланс. – Кажется, Истинные боги милостиво бросили к нашим недостойным ногам прислужницу самой Ринецеи!

– Я не прислужница! – во всю глотку возмущенно возопила Гельда. – Я ее правая рука и немало обо всех вас наслышана. Помнишь свои блуждания в Лабиринте судьбы? – бросила она в мою сторону. – Глупый, необдуманный поступок, вполне свойственный такой безмозглой дуре как ты! А белокурого красавца с портрета тоже помнишь? Так вот, я – его будущая невеста!

Услышав подобное признание из уст красавицы-некромантки, я неожиданно для самой себя, ощутила жгучий укол ревности и горечь от грядущей потери того, кто моим, честно говоря, никогда вообще-то и не был, но слишком часто являлся мне в горячечных, наполненных сладкой истомой снах. Гельда правильно истолковала выражение моего омраченного

разочарованием лица и победно расхохоталась. Мне стало не по себе, не хватало еще так очевидно выказывать каждой встречной ведьме свои потаенные слабости:

– Честно говоря, он совершенно не в моем вкусе! – стараясь выглядеть как можно более непринужденной, небрежно улыбнулась я.

– Типа, ты его уже пробовала? – напряглась девица.

– Целуется он плохо! – придиричиво хмыкнула я, намеренно оговаривая белокурого красавца.

– Так ты с ним все-таки целовалась? – взбешенно взвыла Гельда. – Ах ты – дрянь блудливая!

– Ого! Вот это ты, Рыжая, ее здорово допекла! – одобрил меня опытный в насмешках Ланс.

Я со все возрастающим интересом внимательно следила за ведьмой. Она подняла посох и мстительно рванулась ко мне. Оберегавший меня амулет тетушки Чумы причинял Гельде жгучую боль, но она – упрямо преодолевая запрет, продолжала настойчиво двигаться в моем направлении, явно намереваясь вцепиться в рыжие волосы ненавистной соперницы. Я замерла от удивления. Как, ревность оказалась сильнее магии?

– Да будь ты прок..., – начала девица, заноса надо мной свой посох.

Но тут раздался смачный звук удара по затылку, девица закатила глаза под лоб и как подкошенная рухнула на землю. За Гельдой стоял орк, заботливо проверяющий целостность рукояти своей драгоценной Симхеллы. А вдруг да ведьминский затылок по прочности превосходит деревянную часть секиры? Ланс похрюкивая, всхлипывая и икая, катался от хохота по мягкой траве.

Тысячник надежно связал руки и ноги бесчувственной ведьмы шелковой веревкой, извлеченной из своего кармана. Наш мудрый орк всегда славился предусмотрительностью и запасливостью.

– Не даром видать Эткин часто говорит, что страшнее бабы – зверя нет! – бубнил он себе под нос, виртуозно затягивая узлы. – А эта девочка, разумное ли дело, из личной неприязни к тебе, Мелеана, осмелилась пойти против воли самой госпожи Чумы! И как только при такой непомерной наглости она умудрилась бежать от чего-то непонятного, а не двинула сразу этому неизвестному врагу с размаху в рыло...

– Смотри! – я резко прервала философские изыскания друга. – Не от этого ли она бежала?

Еще недавно столь чистое небо внезапно резко посерело. Подул холодный, пронизывающий, совсем не летний ветер. Мы во все глаза уставились на реку. Поверхность воды замерла, помутнела и, к нашему величайшему ужасу, быстро начала затягиваться тонкой коркой льда, потрескивающего с пронзительным, хрустальным звоном.

С ужасными проклятиями Огвур бросил крепко связанную ведьму и вновь схватился за секиру. Я вытянула из ножен Нурилон и замерла в ожидании чего-то неведомого, приближающегося к нам неслышной поступью неумолимой смерти.

Глава 4

Все случилось в точности так, как и планировал Аберон. Спустя три дня после достопамятных событий произошедших в лавке Киры, Высшая магическая эльфийская ложа, возглавляемая королем Шеарраном, собралась на очередное заседание. Из доносов прикормленных шпионов наследник знал, что на повестку дня вне очереди вынесли проект срочного изменения закона о порядке престолонаследования. Но коварная дама, именуемая судьбой, продолжала беспричинно благоволить к опальному принцу. Прямо на заседании совета нескольким самым старым магам неожиданно сделалось дурно. А через час после экстренно прерванного совещания, занемог и сам король. Лекари бессильно разводили руками, отчаявшись отыскать разумную причину страшной кровавой рвоты и мучительных спазмов, беспощадно раздиравших внутренности несчастного короля. Легкомысленные, но опытные в интригах придворные, мгновенно сообразившие – куда дует ветер власти, усиленно лебезили перед Абероном, искусно разыгрывавшим картину вселенской скорби. К утру Шеарран, пятнадцатый Повелитель из династии эль-Реанон скончался, ненамного опередив своих магов, еще бившихся в ужасающей агонии. Аберон стал королем Поющего острова. Нашлось лишь незначительное количество смельчаков, осмелившихся воспротивиться скоропалительному воцарению альбиноса-выродка. Бунт подавили с беспримечной жестокостью. Войско демонов денно и нощно, бдительно и неусыпно охраняло королевскую резиденцию, а отряды горгулий старательно патрулировали вассальные провинции. Двух или трех недовольных попросту разорвали на куски без суда и следствия. После этого народ не только испуганно притих, но даже начал подобострастно славить нового мудрого правителя, ведущего страну по пути развития и процветания. Аберон остался премного доволен.

Однако, вскоре нашлась таки небольшая ложка дегтя, значительно подпортившая монаршую бочку меда. Принцу Лионелю удалось бежать. В сопровождении нескольких преданных людей он сумел оторваться от преследования и на утлом торговом суденышке инкогнито покинул пределы острова, растворившись на огромном континенте людей. Король-убийца впал в ярость.

Именно поэтому и сидел он сейчас с нахмуренным челом в своем заново отделанном, белом тронном зале, недовольно взирая на нерасторопных подданных. Да еще эта некстати уловленная крамольная мысль, мелькнувшая в голове одного из провинившихся. В душе короля тяжело kloкотала черная злоба. Но в этот самый момент он неожиданно уловил тонкий ментальный призыв Астора, властно торопивший его как можно быстрее прибыть в комнату, где находилась картина связи. Альбинос гневно скрипнул мелкими зубами, одним взмахом бледной длани приказывая всем немедленно удалиться. «Что могло понадобиться от меня гранд-мастеру, да еще так срочно?» – недоумевал свежеиспеченный король. Нет, он конечно нисколько не боялся могучего союзника, но умеренная осторожность, как говорится, не помешает даже богу.

Аберон не тратя времени даром, проворно спустился в потайную лабораторию. В глубине активированной картины жарко пылал мраморный камин, а сам принц демонов уютно разместился в мягком, низком, обшитом мехами кресле. Глядя на романтично-одухотворенное лицо Астора, эльф изумленно приоткрыл рот. Перед креслом стояла наполовину опустошенная бутылка с красным вином, и лежал профессионально набросанный портрет полуобнаженной, вооруженной мечом девушки. Король с первого взгляда узнал как полуприкрытое золотой маской лицо, так и роскошные медно-рыжие волосы. «Влюбился, как есть – влюбился!» – сделал неутешительный вывод альбинос. До этих пор он был гораздо лучшего мнения о сердечной непоколебимости великого мага-демона. Вот, к примеру, сам Холодный... эльф только собирался погрузиться в не очень то приятные воспоминания, как принц

наоборот, вынырнул из мира волшебных грез и наконец-то соизволил заметить спешно прибывшего сообщника.

– А, это ты, – Астор потянулся с томной грацией большого хищника. – Вино будешь?

Аберон изумился еще сильнее. Ведь не пьянствовать же на самом деле позвал его гранд-мастер?

Из картины выдвинулся до краев наполненный бокал. Король послушно принял предложенное угощение и сделал пробный глоток. Вино обладало отменным вкусом. Но все-таки... Аберон кашлянул. Астор понимающе улыбнулся.

– Да, да, не намекай так усиленно. Вино конечно вином, но у меня возникла некоторая сложно разрешимая проблема.

Альбинос насторожился, показывая – я весь во внимании.

– Мы нашли Хроники Бальдура, спрятанные в Долине кленов, – продолжил принц. – И даже осмелились вступить в контакт с Ледяными ярлами. Но для того, чтобы они смогли обрести жизнь и сумели выйти за пределы проклятых земель, им экстренно требуются две жертвы. Первая должна непременно быть мужского полу и нести в себе каплю крови богов.

– И где же Ваша светлость умудрилась раздобыть подобного кандидата? – потрясенно спросил Аберон.

– О, – нехорошая ухмылка исказила красивое лицо принца, сделав его почти отталкивающим, – у меня уже имеется искомый претендент. Я не вникал во все тонкости религиозных убеждений Тварей стужи, но понял, что ему предстоит стать чем-то вроде сосредоточия их коллективной силы. К счастью, принц Ужас не так давно преподнес мне кое-кого в обмен на пару штук отличного оружия, созданного мной лично. Я назвал эти клинки Мечами стихий.

Альбинос одобрительно хихикнул. Будучи в курсе всех зловещих королевского дома Нарроны, он догадывался, кого именно мог принц-узурпатор так безжалостно презентовать своему магическому покровителю.

– Но мне непременно нужна вторая жертва, – напомнил принц. – Твари просят непорочную девицу не старше двадцати лет, красивую собой и происходящую из благородного эльфийского рода!

Король обрадовано расхохотался. Во всем его облике так и читалось бурное ликование, смешанное с неприкрытым злорадством:

– Я с особым старанием исполню эту просьбу Вашей милости! Вы получите искомую деву через несколько дней.

Принц благодарно поклонился.

«Ну, вот и все, – злопамятно решил Аберон, поднимаясь вверх по лестнице. – Я получил возможность отыгаться с лихвой! Теперь-то глупая Лилуилла пожалеет о своем отказе, так недопустимо унизившим мою гордость, и задевшем мое самолюбие!».

Несколько месяцев тому назад, альбинос имел несчастье просить руки и сердца самой завидной невесты острова, очаровательной княжны Лилуиллы, приходившейся единственной дочерью старому князю ил-Рианон, двоюродному брату покойного ныне короля Шеаррана. Княжну по праву называли не только прекраснейшей девой Поющего острова, слава об ослепительной красоте которой распространилась далеко за пределы эльфийского государства, но и самой сладкоголосой его обитательницей. Аберон Лилуиллу не любил совсем, хотя усиленно разыгрывал роль пылкого влюбленного, буквально засыпая мнимый предмет своего обожания букетами шикарных цветов, подкрепленными более дорогими и вещественными подарками. Альбинос вообще оказался напрочь лишен элементарной способности любить, допуская, что любая, даже самая грязная ложь, произнесенная в интересах важного дела – всегда считается политикой. Наивная пустышка княжна как никто лучше подходила на роль будущей королевы. Но все его подношения неизменно возвращались обратно, даже не будучи распечатанными. Лилуилла испытывала по отношению к Аберону только

отвращение, смешанное с паническим ужасом. И более того, она благосклонно принимала одновременные ухаживания младшего принца, красавчика Лионеля, отвечая ему симпатией и взаимностью. Но сейчас все изменилось. Выродок-альбинос стал королем, а Лионель сбежал с острова, спасая собственную шкуру. Теперь Аберон мог бы взять недотрогу силой, но он жаждал отмщения своей поруганной гордости намного сильнее, чем просто банального утоления низменной скотской похоти.

« Ну чтож, прекрасная Лилуилла, – насмешливо думал король, покидая тайное подземелье. – Ты не захотела стать королевой Ширулшэна, не захотела изведать моих супружеских ласк. Посмотрим, придется ли тебе по вкусу обжигающе-холодные поцелуи Ледяных ярлов! ».

« Жила-была непутевая Сумасшедшая принцесса! – отстраненно размышляла я, не сводя глаз с двух странных полупрозрачных ураганов, медленно формирующихся и закручивающихся над поверхностью замерзшей реки. – Ну что ж, сама виновата ...! »

Последние слова я, по давней и уже неоднократно навредившей мне привычке, опять произнесла вслух. Разобравший мой вердикт Оггур восхищенно хохотнул и пошире расставил мускулистые ноги, возбужденно перекидывая из руки в руку отполированную рукоять секиры. Я улыбнулась уголками губ, вполне разделяя боевой азарт орка. Никто не виноват в том, что появляется на свет прирожденным бойцом или магом, врачом или поэтом. Многие из нас интуитивно осознают собственное предназначение и развивают его любым доступным способом, порой, расходуя для этого весь отпущенный, но недолгий срок пребывания в смертном человеческом теле. Опыт дается нам нелегкой ценой, методом проб и просчетов, подчас – смертельно опасных и неоправданно рискованных. Несмотря на сотни прочитанных умных книг, все мы остаемся рьяными практиками, предпочитающими совершать собственные ошибки, нежели вдумчиво и безопасно, но, конечно же – сугубо теоретически, учиться на чужих. И порой ничего так не осложняет нашу жизнь, как эта простая истина, ибо даже чужие промахи в собственном исполнении всегда выглядят намного элегантнее. Жизнь – странная штука, по большей своей части совершенно неподдающаяся логическому объяснению. « Настоящая жизнь – это когда собеседники, выслушавшие правдивый рассказ о ней, начинают скептически качать головой и насмешливо говорят – так не бывает! » – утверждает Эткин. « Относиться к жизни серьезно – слишком скучно, а не серьезно – чрезвычайно опасно! » – с видом эксперта поддерживаю я мудрое изречение хулиганистого дракона. И возможно, именно сейчас, мне и предстоит проверить – чего стоят на деле все эти наши из пальца высосанные принципы, потому что, наблюдая за призрачными ураганами, я по наитию поняла – время разбрасывать камни закончилось, наступало время собирать тех, кого эти самые камни пришибли.

Ураганы приближались. Там где они проходили – жухла и серела трава, покрывались морозной изморозью ветки отмерших кустарников, а птицы погибали прямо на лету, бездыханными комочками осыпаясь на землю. На нас надвигалось что-то несовместимое с самим понятием жизнь! Лезвие Нурилона засветилось холодным голубоватым пламенем, огненная сила разливалась по его рукояти, горячими волнами перетекая в мои руки, окутывая меня живительным дыханием мощи великих демиургов. Меня окружил светящийся кокон какого-то энергетического поля.

– Гоблин меня задери, это что-то новенькое! – выдохнула я онемевшими от напряжения губами.

Оггур смотрел на меня ошарашено.

– Что это с тобой? – удивился он.

– Мой волшебный клинок почуял своего истинного врага и активизировал все доступные магические ресурсы. Отойди в сторону, Белый волк, эти враги тебе не по зубам.

– Еще чего! – упрямо набычился тысячник. – Я не привык отступать!

Ураганы подступили вплотную к нам. Рядом за клубились два почти незримых, едва видимых облака, практически не различимых в тусклом солнечном свете. Исходящий от них холод леденил кожу, сковывал движения, превращал выдыхаемый нами воздух в клубы студеного искрящегося пара. Существа перемещались слишком быстро, постоянно ускользая из поля зрения, итак практически не способного засечь их хаотично изменяющиеся формы и размытые контуры. Внезапно что-то тонкое и полупрозрачное просвистело в стылом тумане, и два пальца на правой руке Оггура, сжимавшей Симхеллу, отделились от смуглой кисти, повиснув на жалких лоскутах кожи. Орк пронзительно закричал, падая на колени и зажимая страшную рану, пытаясь остановить поток алой крови, хлынувший на траву. Краем глаза я засекла крадущиеся движения Ланса, достающего из сумки свой миниатюрный арбалет.

– Не смей! – коротко приказала я. – Болт не причинит им вреда. Забирай Оггура и уводи его в таверну. Там отыщи в моем багаже огарок белой свечи тетушки Чумы и залечи его раны!

– А ты? – опасливо отозвался полуэльф, заботливо подхватывая побледневшего от сильной кровопотери орка.

– Уходите! – повторно потребовала я, отступая в сторону и уводя за собой призрачных тварей. – Вы мне ничем не поможете, а напротив – только помешаете. Это не ваш бой.

Твари благоразумно подходили ко мне с противоположных сторон, наступая синхронно и одновременно, вынуждая постоянно вертеть головой, угрожающе поводя пылающим лезвием клинка. К счастью, я уже давно и дольно успешно усвоила основное правило боя – дальновидный, желающий пожить подольше, смотрит не вперед, а вокруг себя. Кем бы ни являлись эти странные существа – проявлением стихии, демонами, животными или людьми – они, безусловно, обладали мощным интеллектом и отлично развитой способностью к стратегическому ведению боевых действий. Они согласованно и планомерно оттесняли меня к хрупкому льду, покрывавшему поверхность реки. Провались я в полынью, и мне неизбежно грозит быстрая и мучительная гибель. Кроме того, теперь я прекрасно понимала природу возникновения страшных подмороженных ран, ставших причиной смерти могучих кентавров.

Под моей пяткой угрожающе хрупнул первый прибрежный ледок. Я замерла на краю берега. Отступать дальше стало уже некуда...

Генрих де Грей отложил мастерок, потер ноющую поясницу и медленно выпрямил натруженную спину. Его мятая, испачканная строительным раствором рубашка сейчас мало походила на парадное облачение, достойное высокого титула последнего Повелителя. К тому же, из рода, ведущего начало от самого легендарного короля сильфов. Но барон неприкрыто радовался своему непрезентабельному, затрапезному внешнему виду. Узкая замшевая полоска пересекала загорелый от работы на свежем воздухе лоб, не позволяя отросшим волосам лезть в покрасневшие от недосыпания глаза. Генрих работал не покладая рук. Трудился наравне со всеми, с радостным волнением отмечая, как с каждым днем все выше поднимаются белокаменные стены вновь отстроенной столицы – чудесного города Силь. Рассказывают, что согласно древней легенде, когда-то очень давно существовал только один великий, единый город сильфов и белых эльфов – сказочный Эль-силь, с замками – увенчанными золотыми куполами, с мостовыми – выложенными серебряными плитами. И не нашлось бы в целом мире града краше Эль-сила. Но на противоположной горе стояла грозная крепость, принадлежавшая клану синих – цитадель Ширул-эль-шэн. С тех пор минула не одна сотня лет. Синие эльфы ушли на Поющий остров, где почти восстановили свое былое величие. Сильфы зажили отдельным городом – Силем. А остатки белых стали вольными стрелками и охотниками, по преданию, оберегающими подступы к галерее Трех пор-

талов, подобно скрепляющему стержню, пронизывающей скрытую глубь земли. Впрочем, многие из рассеянных по чужим землям белых эльфов, теперь собрались на освобожденных сильфских территориях, помогая отстраивать возрожденный Силь, предназначенный стать их новым домом.

После продолжительной войны с полчищами Ринецеи, от некогда величавого города остались одни руины. Барон удрученно бродил среди закопченных, осыпающихся каменной крошкой остовов крепостных стен, запинался о вывороченные, вздыбившиеся после магических ударов валуны, некогда образывавшие парапеты тонкоструйных фонтанов. Память короля Грея, дарованная Повелителю, услужливо рисовала пышные картины славного прошлого. Вот здесь, именно на этом месте, когда-то простиралась многолюдная торговая площадь, а вон там – красовалась облицованная розовым мрамором беседка. А еще выше, на холме, господствующим над ровными, как по линейке выстроенными кварталами, находился дворец правящего королевского рода. Генрих тяжело вздыхал, судорожно сглатывая подступавшие к горлу слезы. Повелители не плачут. Повелители строят и восстанавливают, пекутся о благе своих верных подданных и совершают подвиги, постоянные пера самого известного летописца. А еще – о Повелителях слагают прекрасные баллады, наподобие тех, которые иногда исполняет Сумасшедшая принцесса – невозможная Ульрика де Мор...

Да, она была невозможно упряма, невозможно храбра, невозможно горда, но и позабыть ее, тоже оказалось невозможно! Впрочем, почему же была? Принцесса есть и сейчас, но Генриху она так и не принадлежит... Барон, уже не в первый раз, неловко пробовал подбирать слова, точно передававшие бы его мучительную тоску по ныне далекой Ульрике. Отчаянное уныние – терзавшее израненное, очерствевшее от несправедливого отказа сердце. Но красивые слова не собирались слушаться того, кто привык управляться с рапирой – а отнюдь не со стихами, и оказался так наивно не сведущ в делах сердечных. А страдающей душе срочно требовалось отвлечься хоть на что-то малозначительное, лишь бы только не думать поминутно об ее зеленых смеющихся глазах и малиново-сладких губах, чаще всего – сложенных в ироничную усмешку. Увидит ли он ее еще когда-нибудь? Или же ему суждено уже никогда ее не встретить?

Как заставить себя ровно плыть по течению,
Как свести две дороги – к пересечению?
На ошибках друг друга жестоко учиться,
Выжигая любовь – нелюбовью лечиться.

Только жертве подобной, цена – лишь полushка,
Если ночью от слез намокает подушка,
Исчерпались до дна и поэма и проза,
Кто кого пережмет – слишком жесткая поза.

Упустили свой шанс, нужных слов не сказали,
Нелюбовью себя за любовь наказали...
Как удар по лицу – мы поставили точку,
Только сладко ль теперь выживать в одиночку?

Каждый глупо решил показать свою твердость,
Ты, не дрогнув, любовь променяла на гордость,
Я с насмешкой сказал: « На потеху народу
Я отрину любовь. Выбираю свободу...»

Мы теперь далеки, наши чувства не с нами,
Не умея прощать, мы играем словами,
Только чаши весов, замерев навсегда —
Уравняли «когда-нибудь» и «никогда».

Я спросил: «Нам когда-нибудь встретиться можно?»
Ты ответила: «Нет. Никогда. Невозможно»
Мы пытались забыть, мы не думать хотели,
Но любовь истребить до конца — не посмели

Мы с тобою, в объятьях любовной тоски
Навсегда далеки, но навеки — близки,
Вроде слиты в одно и, однако, не схожи —
«Никогда» и «Когда-нибудь» — слишком похожи...

Ни о чем другом Генрих теперь и думать не мог. Рожденная в сердце песня, легкокрылой птицей рвалась в поднебесье, лишая барона воли и желания к дальнейшему существованию. И только тяжелая, монотонная физическая работа немного уменьшала давящий на душу груз, переводя его в спасительную, отупляющую усталость до предела измотанных мышц. Труд стал для него лучшим лекарством, а скорее — сильнейшим одурманивающим наркотиком, успешно заглушающим болезненные воспоминания и подавляющим несбыточные мечты. Поэтому и трудился Повелитель наравне со всеми от самого восхода солнца и до его заката. А потом бездумно, как подкошенный валился в свою одинокую, никем не обогретую постель, и засыпал глубоким сном без сновидений.

Но сердечная рана их Повелителя, определенно, пошла на пользу всему остальному народу сильфов. Город Силь рос и хорошел буквально на глазах. С каждым днем все выше и выше вздымались его ровные стены, весело зеленели молодые кленовые аллеи вокруг заново восстановленного дворца, а золотые пучеглазые рыбки с вуалевыми хвостиками вновь беззаботно резвились в прозрачной воде фонтанов, доверчиво всплывая на поверхность и выпрашивая хлебные крошки. Генрих не жалел золота, щедро оплачивая услуги лучших эльфийских архитекторов и магов, украшавших молодой город и создававших могучую магическую защиту, призванную усилить толщу каменных башен. И только один Марвин, с которым Генрих уже успел крепко сдружиться, отдавал свой талант совершенно бесплатно. Хотя барон не без основания подозревал, что главной причиной неожиданного трудолюбия молодого некроманта стала вовсе не внезапно возникшая симпатия к народу сильфов, а страх, испытываемый им перед грозной тещей — королевой Смертью. Да и неиссякаемая и не к месту проявляемая ревность вспыльчивой супруги Лепры, быстро и весьма изрядно утомила красавца-мага. Сестрица Оспы и Чумы отличалась поистине необузданным характером, а строительство Силя стало удобным поводом для временной разлуки с несдержанной на язык и пощечины возлюбленной. «Я должен помочь Генриху, — мягко убеждал жену Марвин. — А ты немного отдохнешь от меня, займешься новыми нарядами, пообщаешься с сестрами!» Лепра милостиво позволила уговорить себя. Впрочем, любое выдуманное оправдание всегда смотрится гораздо убедительнее, чем — оправдание правдивое.

Хрупнувший под моей пяткой ледок стал очевидным предупреждением — дальше отступать некуда. Я щурила глаза, пытаюсь одновременно уследить за обеими тварями, к тому же — итак едва видимыми. «Да кто же они такие, гoblin их раздери! — злобно ругнулась я. — Какого демона потребовалось им в моих землях?» В голове постоянно вертелась какая-то

важная мысль, напрямую касавшаяся этих загадочных существ. Вроде бы совсем недавно я то ли видела их мимолетно, то ли слышала от кого-то о чем-то подобном. О каких-то неведомых врагах... А может, это был сон? Но нет, хоть убей, в настоящий напряженный момент я, не смотря на все усилия разбудить спящую память, никак не могла вспомнить ничего определенного. А в следующую минуту, видимо сообразив, что добровольно топиться или проваливаться в полынью я не собираюсь, твари взвыли странными дребезжащими голосами и пошли в наступление. От их воплей у меня даже дыхание пресеклось, в жизни не слышала ничего омерзительнее. Да рядом с ними, смахивающий на привидение Хранитель галереи Трех порталов выглядел настоящим милашкой и симпатяшкой.

Наверно, меня спасла интуиция. Я не увидела, а скорее каким-то шестым чувством ощутила острое как бритва, прозрачное лезвие, стремительно пронесшееся в паре миллиметров от моей шеи, и успела плавно отклониться в сторону. В холодном воздухе закружился клочок срезанных рыжих волос. Тварь разочарованно заскрипела. Не оставляя мне времени на передышку, на меня тут же бросилось второе агрессивное существо. И опять – меня снова спасла отнюдь не собственная ловкость, а предупреждающий бледный солнечный зайчик, вовремя отразившийся от лезвия противника, одно приближение которого тут же покрывало мои локоны белым налетом изморози. Клинок Нурилона встретился с невидимым оружием. Раздалось громкое шипение, которое можно услышать, когда пышущую жаром заготовку будущего меча погружают в бочку с холодной водой.

– Спаси меня Аола! – испуганно взмолилась я. – Похоже, эти твари и в самом деле сделаны из льда!

Часто ли каждому из нас приходится попадать в действительно опасную ситуацию? Не знаю, но так тяжело как сейчас, мне не приходилось даже во время боя с моим недавним врагом и сводным братом – принцем Ужасом. Только что я неразумно сетовала, как трудно отражать удары ледяных тварей и жаловалась самой себе – что хуже быть уже не может. Но стоило тварям напасть на меня одновременно, как тут же стало ясно – я сильно ошибалась... Я вертелась из стороны в сторону, приседала, проскальзывала под призрачно мелькающими лезвиями и исполняла настоящие балетные пируэты, никогда не доступные мне ранее. Соприкосновение моего меча и ужасного оружия морозных существ рождало снопы искр. Думаю, со стороны это выглядело даже красиво. Но я не имела ни малейшего шанса устоять хотя бы против одного из этих бойцов. А уж против двоих... Неожиданно, при очередном наклоне, я ощутила что-то узкое и твердое, надавившее на мой бок. И как же я могла забыть! В боковом кармане колета лежало Зеркало истинного облика, уже не раз выручавшее меня в затруднительных случаях. Я отскочила в сторону, выхватила из кармана волшебный артефакт и, повернувшись впол оборота, поймала в его стеклянной поверхности отражение одной из тварей. От ужаса я глухо вскрикнула и чуть не выронила зеркало из пальцев. Попад в поле действия магического предмета, существо стало видимым. Зеркало явило мне что-то омерзительно бесформенное, напоминавшее перекрученный ворох склизких сизых щупалец, в самой гуще которых тут и там постоянно открывались треугольные, зубастые пасти. Тварь обладала десятком гибких, тощих, хлыстообразных конечностей, каждая из которых оканчивалась огромным, острым, стекляннопоблескивающим когтем-лезвием. Я застыла как вкопанная, не в силах отвести взгляда от жуткого зрелища. Пользуясь моей неосмотрительной оплошностью, тварь с победным ревом прыгнула на мою открытую для налета спину. Не поворачиваясь, я что было сил ударила мечом назад, попав точно в один из разверстых ртов необычного врага. Тварь жалобно взвыла, дернулась, но не смогла сдержать поступательного движения и по инерции еще сильнее нанизалась на пылающее острие Нурилона. Поток синей, дурно пахнущей жижи хлынул из рассеченного тела, мгновенно ставшего видимым. Вторая тварь, совершенно взбешенная видом издыхающей на земле напарницы, взмахнула всеми когтями... У меня не оставалось времени для того, чтобы освободить меч

от густой, вязкой серой массы, в которую стремительно превращалось убитое мною существо. Я просто бросила клинок, выхватила из ножен Разящую иглу и метнула ее во второго противника. Тонкая дага мелькнула в воздухе и напрочь отсекла твари одну из конечностей. Коготь упал на увядшую траву. Раненое существо оглушительно завопило, поджало искалеченный обрубок конечности и, свернувшись в воронку урагана, взмыло в небо. До меня еще долетали его яростные, полные мстительного обещания вернуться и поквитаться, вопли, когда оно стремительно улепетывало прочь. Убитая тварь растекалась, таяла как мороженое, превращалась в лужу серой жидкости, медленно впитывающейся в песчаный речной берег. Вскоре от нее не осталось ни малейшего следа.

Я жалобно всхлипнула, опустилась на колени и, закрыв лицо руками, бурно разрыдалась от пережитого потрясения, боясь поверить в то, что я каким-то чудом осталась жива.

Глава 5

Марвина пошатывало от усталости. Мысленно, он уже давно и неоднократно послал к разэтаким гоблинам и подбивших его на эту непыльную работенку Генриха с Саймона-риэлем, и короля Ульриха – милостиво разрешившего молодому некроманту удалиться от двора, и даже свою распрекрасную женушку, которая, подхватив юбки, шустро умчалась куда-то, примерять новомодные наряды. Прописная истина гласит: не можешь изменить саму жизнь – тогда измени отношение к ней. Но Марвин все и всегда привык делать по-своему. Разлюбить Лепру он уже не мог, мысль избавиться от магического дара и зажить жизнью простого человека казалась кощунственной, а игнорировать насущные проблемы друга – стало бы самым недостойным поступком. И Марвин позволил себя уговорить. А если ты начинаешь уступать, то остановиться уже не возможно. Архимаг попробовал в корне изменить безмерно опостылевшую ему, пресную придворную жизнь, сводившуюся к однообразному простаиванию за пышным королевским креслом. Он мечтал о приключениях. А вместо этого – получил еще более нудную и обременительную тяготину. Нет, он конечно же не был ленивым или черствым. Кроме того, по-первости, Марвину и самому понравилось проявлять благородство. Сначала он согласился усилить городские стены заклинаниями, направленными на отражение враждебной магии, потом сам вызвался позолотить крыши всех зданий без исключения, включая и кровли самые маленьких домиков. Затем он переместил через пространственные порталы экзотические, изумительной красоты растения, беспримерно украсившие столичные сады. А теперь, в итоге, его попросту неблагородно выматывали всякими бытовыми мелочами, больше подошедшими бы дешевым дилетантам-фокусникам, выступающим в ярмарочных балаганах. Баламуты-гномы ежедневно приставали с идеей заменить воду в фонтанах на пиво, а эльфы наоборот – слезно упрашивали мага наложить на вечно подвыпивших гномов заклятие пожизненного, стойкого отвращения к спиртному. Демоны из отряда Азура, охранявшие невиданную по размеру стройку и проявлявшие повышенный интерес к прелестным сильфидам, умоляли некроманта сварить какое-нибудь любовное зелье, а заодно – чуть подправить внешность несговорчивых дам путем сильного повышения волосатости по всему телу и укорачивания ног в половину, что по их мнению, придало бы красоте местных девушек более утонченный, демонический колорит. Сильфские же кавалеры, и так уже весьма обозленные постоянной эротической озабоченностью крылатого гарнизона, доводили мага до истерики требованиями наградить настырных демонов срочной, поголовной и стопроцентной импотенцией. И не трудно догадаться, у кого в итоге голова шла кругом от всего обилия этих противоречивых, взаимоисключающих, а поэтому – совершенно невыполнимых просьб. Правильно – у Марвина! Казалось бы, чего проще – отсылай всех просителей к Генриху, ведь для того в мире и существуют Повелители, чтобы мудро разруливать возникающие, запутанные ситуации, но правитель сильфов...

Марвин тяжело вздохнул и неодобрительно покосился на Генриха, стоявшего рядом, среди каменных блоков недостроенной стены. Повелитель совершенно не собирался решать чужие проблемы, он от собственных то не знал, куда бы деваться. Сейчас благородный барон совсем не походил на утонченного, могущественного наследника древнего рода. Сейчас он точь-в-точь напоминал какого-нибудь тугодума каменотеса из самой захудалой провинции, и пахло от него – соответственно. Красавец некромант брезгливо сморщил нос и принялся массировать ноющий по причине авральной работы, затылок. Такой мучительной головной боли ему не довелось испытывать даже на утро после недавней королевской свадьбы.

– Генрих, – жалобно попросил Марвин, – передел бы ты рубашку, что ли...

– Ага, вижу, она малость загрязнилась. – Покладисто согласился барон. – Хотя, зная твои вкусы, я бы скорее склонился к версии, что ты не одобряешь ее цвет.

– Ничего не имею против цвета строительного раствора, – буркнул некромант, поворачиваясь по ветру. – Но вот мой нос ее не одобряет категорически!

Де Грей расхохотался.

– Тонко подмечено. Солнце клонится к закату, так что на сегодня работа окончена. Неподалеку от города, в лесу, протекает небольшой ручей. Может прогуляемся, для совершенства водных процедур?

Маг обрадовано кивнул. Одна только мысль о целительных свойствах прохладной, чистой родниковой воды, уже приносила значительное облегчение его многострадальной, замороченной голове.

– А если и впрямь, попробовать приворотный напиток? – сам с собой вполголоса рассуждал некромант, следуя за бароном, уводившим его незаметной лесной тропкой, затейливо петлявшей среди раскидистых кустов папоротника.

– Не вздумай! – протестующе прикрикнул Генрих. – Не хватало мне еще для полного счастья появления среди дворянских сильфских родов незаконнорожденных младенцев с демонической наружностью!

– Э? – опешил растерявшийся Марвин. – Ты это о чем говоришь?

– Да ни о чем, а о ком, – разгневанно уточнил барон. – Об азуровских ловеласах естественно. Они нынче ночью в темноте окна перепутали, ну и постучались ко мне в спальню, думая, будто это будуар придворных фрейлин. Знаешь, услышав то, что они нашептывали в приоткрытые ставни, я понял, что пока еще очень плохо осведомлен о многих подробностях интимных отношений между мужчинами и женщинами...

Марвин скептически хмыкнул:

– Скажи спасибо, что демоны к тебе в кровать не полезли! А если серьезно – жениться тебе надо, барон! Чтобы флиртующие мысли воображение по ночам не будоражили. Я вообще то, упоминая приворотное зелье, имел в виду тебя и нашу сумасбродную рыжую принцессу.

– Ее? – как ужаленный подпрыгнул де Грей. – Ты с ума сошел? Не смей!

– Ну и зря! – обиженно надулся некромант. – Это стало бы лучшим выходом, причем – для всех. Для обоих наших государств, для тебя, да и для нее – тоже. А то у девчонки ветер в голове, она сама не знает – чего хочет и кто ей на самом деле люб. Ой, чую, огребем мы еще с ее сердечными заморочками проблем – по самое ни хочу! А может, все-таки рискнем? Я знаю нужные травы...

– Нет, ни в коем случае! – решительно отказался Генрих. – Спасибо тебе конечно, я ведь вижу, что ты нам добра желаешь, но все же не смогу – зная, что это все не искренне, что ее опоили...

– Пить! – внезапно раздалось где-то рядом. – Пить, во имя богини Аолы!

Марвин и Генрих не раздумывая бросились вперед, ведомые слабым голосом, руками раздвигая спутанные ветки густых кустарников. Вскоре их взору открылась небольшая, покрытая мягкой травой поляна, на которой бессильно распростерлось худое, изможденное мужское тело. Барон бережно перевернул страдальца на спину. На него смотрели зеленые, ввалившиеся, наполненные невыразимой мукой глаза.

– Эльф! – изумленно вскрикнул барон. – Но разве такое возможно? Ведь эльфы очень живучи, а этот выглядит так, словно вот-вот отдаст душу Пресветлым богам!

Длинные, умелые пальцы Марвина между тем ловко ощупывали раны незнакомца. Некромант сокрушенно вздохнул:

– Слишком поздно. Если бы мы встретились хотя бы пару дней назад, но теперь... Видишь, – он указал на несколько порезов, перевязанных дурно пахнущими, грязными тряп-

ками. – Следы от кинжала внешне не глубокие, но лезвие было отравлено. От этого яда нет спасения, если раны не обработать сразу же, причем, специальным противоядием. А то, что он оказался эльфом, лишь продлило его мучения. К сожалению, я уже ничем не смогу помочь этому несчастному, а только в меру своих возможностей облегчу его последние минуты. – Маг вынул из кармана небольшой флакончик и капнул на ссохшиеся губы умирающего каплю густой, слабо фосфоресцирующей жидкости. Спустя мгновение раненый болезненно вздрогнул, взгляд его приобрел осмысленность и необычайную глубину. Так смотрят лишь люди чувствующие приближение смерти.

– Ульрика, – шепнули синие губы, – найдите ее!

– Откуда ты знаешь Сумасшедшую принцессу? – недоуменно спросил барон.

– О! – умирающий улыбнулся тенью некогда неповторимо высокомерной улыбки, и барон невольно отшатнулся, потрясенный осознанием того, что на его руках угасает потомок великого рода, а возможно – даже король или принц. – Это я впервые назвал ее этим броским прозвищем, теперь известным всем и каждому! Я ее дядя – принц Лионель Шеарэль-Реанон.

– Но родня Ульрики проживает на Поющем острове! – не поверил Марвин.

– Да, – подтвердил Лионель. – Недавно мой брат-выродок силой захватил власть, хоть и предназначавшуюся ему по праву первородства, но вовсе не подобающую наклонностям его черной души. Подозреваю, что Аберон напрямую причастен как к внезапной кончине моего отца-короля, так и к смерти всех членов Высшей магической эльфийской логи. Теперь всему острову, а возможно и миру в целом, угрожают неисчислимые беды! И еще, я прошу вас не только известить обо всем произошедшем мою племянницу, но и спасти княжну... – дрожащая от слабости рука извлекла из кармана какой-то свиток и чуть не насильно втиснула его в ладонь Генриха. Удивленный барон развернул пергамент и увидел прекрасное девичье лицо, обрамленное каскадом золотых локонов и озаряющее все вокруг завораживающим отблеском огромных, жемчужно-серых очей. Барону внезапно показалось, что его сердце на минуту замерло, а потом застучало вновь, но уже совсем иначе – сбивчиво и торопливо. До сегодняшнего дня он и не догадывался, что на белом свете может существовать подобная, ослепительная как солнечный блеск, красота. Марвин заглянул через его плечо:

– Ух, ты! – восхищенно опознал маг. – Это она, княжна Лилуилла, самая прелестная дева Поющего острова!

Генрих с трудом заставил себя отвести взор от портрета невероятной эльфийки:

– А от чего или от кого ее нужно спасти? – он повернулся к раненому.

Но принц Лионель ничего не ответил, он был мертв.

– Не пойду! – в сотый раз принципиально отказался Марвин, упрямо поджимая губы и хмуря белоснежный лоб. – Ни за что!

Он торопливо отпил из бокала с вином, захлебнулся, закашлялся, но продолжал упорно бубнить сквозь кашель: – Ны за сто..., – барон хлопнул друга по спине, глоток жидкости проскочил куда нужно и некромант демонстративно закончил, – ... не пойду с тобой исполнять просьбу Лионеля!

– А за двести? – тут же настырно предложил Генрих. – За двести драгоценных камней из нашей сокровищницы? Ты учти, они не только обладают огромной денежной стоимостью, но многие из них к тому же наделены разнообразными магическими свойствами. Да подобного богатства нет ни у одного мага!

Архимаг сердито, в полголоса, хотя совершенно искренне и даже чуть оскорблено, немногословно послал барона к каким-то немытым гоблинам. Нет, ну как друг не может понять, что он руководствуется вовсе не меркантильными соображениями! Марвин попросту... боится!

– Да пойми ты, не могу я этого сделать! – в сотый раз вымученно выдвинул он свой самый весомый аргумент. – Лепра жутко ревнива, она мне за Лилуиллу глаза выцарапает!

– А ты то тут вообще при чем? – чистосердечно удивился Генрих. – Я собираюсь спасти прекрасную княжну и, как это водится в подобных ситуациях, немедленно предложить ей стать моей супругой!

– Че, правда что ли? – выпучил глаза некромант. – А как же Мелеана?

– Как, как... – барон раздосадовано вздохнул, поднялся с дивана и подошел к окну. Отодвинул роскошную бархатную гардину и полюбовался открывшимся его обозрению видом. Во дворце пока еще не выветрился запах свежей краски и штукатурки, мебель неприятно пахла лаком, да и деревья в парке сейчас не превышали человеческий рост, но все это были сущие мелочи по сравнению с тем, каким предстояло стать в самом недалеком будущем этому прекрасному, возрожденному из руин городу. Силь так и бурлил жизнью. Еще бы, ведь его население уже насчитывало почитай тридцать тысяч душ! – А вот так! – невозмутимо продолжил де Грей. – Навязываться ей я не стану. Я тоже гордый! Пусть Ульрика сама решает, чего она хочет достичь и почему. И спутника жизни она выберет сама! – он повернулся к магу и подкрепил свои слова резким взмахом крепко сжатой в кулак ладони. – Это мое окончательное мнение!

Марвин с пониманием присвистнул и недовольно скосился на лежавший на столе портрет Лилуиллы. «Женщины всегда приносят нам одни неприятности! – пожалуй, слишком пристрастно подумал он. – Вот и Лепра не исключение. Чуть что не по ней, сразу же закатывает истерику, заканчивающуюся слезами и обвинениями, типа я не уделю ей достаточного внимания. А грозная теща и того хуже – слова плохого не скажет, но смотрит на нас обоих так осуждающе, что уж лучше бы говорила... Короче, не сошлись мы с женой характерами! Уехать бы от этих баб куда-нибудь подальше, на край света! Не позволю делать из себя подкаблучника! И к тому же, я ведь сам жаждал приключений. Поэтому решено, плюну на все и помогу отважному Генриху...» – а о том, что его помощью тоже будет заключаться в поисках еще одной девушки, Марвин тогда как-то и не подумал.

– Скорее всего, в деле княжны замешаны и любовь и магия! – авторитетно изрек некромант, справившись с сомнениями относительно своего участия в новых приключениях титулованного сильфа.

– Почему ты так думаешь, ты что-то знаешь наверняка? – недоверчиво спросил барон. Его высокая, мускулистая фигура, уже облаченная в черный дорожный кожаный костюм, выгодно смотрелась на фоне зеленого бархата стен. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь неплотно задернутые шторы, очерчивали торс Генриха тончайших золотистым контуром, напоминающим драгоценные доспехи. Тонкие усики змеились над капризно изогнутой верхней губой, отросшие волосы цвета воронова крыла свободно падали на плечи, карие глаза глядели пытливо. «А ведь барон красив. – Мысленно признал некромант. – Они с Лилуиллой составят поистине потрясающую пару!»

– Это и есть та самая логика, о которой часто упоминает Рыжая! – произнес он вслух. – Если речь идет о красивой женщине, то значит, здесь не обошлось без любовной истории. А магия на Поющем острове весьма в ходу, да и покойный Лионель, пусть примет богиня под свое благодатное покровительство его бессмертную душу, упоминал о смерти великих эльфийских магов. Значит, в злодействе замешан очень сильный волшебник, скорее всего тот, кто владеет черной магией – некромант. А бороться с магом лучше всего при помощи его же собственного оружия. Одному тебе не выстоять, я поеду с тобой!

Глаза барона радостно вспыхнули. Он бережно завернул в платок и спрятал за пазуху портрет прекрасной княжны:

– Откуда нам следует начать наши поиски? Ведь эльфийский принц не сказал ничего определенного.

Марвин на минуту задумался:

– Есть одно странное место, где Лиара и Рона ненадолго объединяются в одну бурную, богатую перекатами и порогами реку. Оно называется водопадом Тысячи радуг. Оттуда к побережью ведет наикратчайший путь, а на Поющий остров можно попасть лишь водой. Начнем свои поиски от водопада. – Некромант поднялся и отправился собирать вещи, готовясь к длительному путешествию.

Генрих положил руку себе на грудь, прощупывая через кожу колета и батист рубашки драгоценный лист, носящий изображение красавицы Лилуиллы. «Ну чтож, – немного безучастно, словно повинуюсь слепому случаю, подумал он, – значит это судьба. Я же сам дал себе зарок жениться на другой! Видно, чему быть – того не миновать...», – и он снова погладил портрет незнакомой суженой, выбранной для него кем-то свыше.

Но мечтал он при этом все равно об Ульрике...

Обратный путь до «Королевской питейной» показался мне бесконечным. Я брела кое-как, обессилено переставляя подкашивающиеся, неожиданно ставшие будто бы неродными ноги, при этом еще и волоча за собой связанную ведьму. Ну не бросать же в самом деле эту самонадеянную девицу на берегу речки. Я из последних сил затащила Гельду на крыльцо, звучно пересчитав ее черноволосой головой все пять занозистых ступенек, перевалила через порог и грубо плюхнула посреди обеденного зала. Некромантка, по-видимому, едва начинающая приходить в себя, благополучно – со всего маху, треснулась затылком об деревянный пол и опять обмякла, повторно теряя сознание.

– Сотня сраных гоблинов ей в глотку! – с чувством выругалась я, буквально падая на ближайшую лавку. – Чую, не пройдут эти удары даром для и без того глупой некрмантской башки. Не хватало еще Сумасшедшей принцессе нянчиться с сумасшедшей ведьмой. Умираю от жажды...

Ланс тут же сунул в мою мелко дрожащую руку немалую кружку с пивом. Я немедленно, словно голодная пиявка, присосалась к бодрящей жидкости. Сидевший за столом Огвур, живой, здоровый и даже румяный, одобрително крикнул.

– Ты как? – я слизнула с губ пышную пивную пену. – Что с рукой?

Тысячник эффектно продемонстрировал нам плотную, выразительную фигу, сложенную из приросших обратно пальцев. У меня немного отлегло от сердца.

– Ну, я с этими тварями еще встречусь, – мстительно басил он. – Да я за свои два пальца им все двадцать один оттяпаю, да еще так, что обратно уже никаким колдовством не присобачат!

Услышав скабрзное обещание друга, полукровка мерзопакостно хихикнул и протянул мне многоэтажный бутербродик шириной ладоней в пять, в котором слои хлеба, ветчины и сыра оказались аппетитно переложены крохотными маринованными огурчиками. Я с урчанием вгрызлась в умопомрачительно благоухающее съедобное сооружение, чувствуя, как ноги начинают потихоньку наливатьсЯ прежней силой.

– Огвур, у них пальцев намного больше, чем двадцать один, – неразборчиво проворчала я сквозь корнишоны.

– Это как? – не поверил орк.

– А так и сяк – чтоб их локтем об косяк. У них одних только рук не менее десятка, – уведомила я шокированного тысячника. – А прочие конечности, в том числе и интимного характера, я не считала – не до этого как-то было. И еще, они и взаправду ледяные, и тают после смерти.

– Так вот почему мы не нашли рядом с телами мертвых кентавров трупов их врагов, – догадался мудрый орк.

Я скептически хмыкнула:

– Теперь я уже сомневаюсь, что кентавры вообще сумели убить кого-нибудь из этих страшных тварей. С ними навряд ли возможно справиться обычным оружием. Там замешана ужасающая по силе магия!

Белый Волк задумчиво пожулькал свое давненько небритое лицо кустарно отреставрированными пальцами:

– Мелеана, помнится, ты в подробностях рассказывала нам с Лансом, как в детстве захлеб читала Хроники Бальдура?

– И что? – немного смутилась я. – При чем тут сей антикварный манускрипт?

– Ясно, – орк правильно истолковал мое смущение. – Экземпляр оказался не полным?

– Ну, это еще слабо сказано, – подтвердила я. – Весьма не полным. В той книге не хватало чуть ли не половины страниц!

Оггур опечаленно вздохнул:

– Очень и очень жаль. Значит, про Тварей стужи ты никогда не слышала?

– Неа!

– Дружище, не томи, расскажи подробно, – требовательно заканючил любопытный как кошка Ланс.

Я жестом попросила Оггура говорить.

– В Хрониках написано, что за маленьким государством-ханством Рохосс начинается Край Тьмы, доступ в который надежно охраняет могучее заклятие, когда-то наложенное еще самими великими демиургами, – начал орк. – И откуда заклятие действует, обитающие в тех местах Твари стужи, они же Дети холода и Ледяные ярлы – спят мертвым сном. Но стоит им пробудиться..., – при этих словах, к моему величайшему изумлению, мужественное лицо орка исказила гримаса плохо контролируемого трепета, – и весь мир окажется под страшной угрозой. Ибо твари забирают кровь любого живого существа, принося его плоть в жертву своему чудовищному Ледяному богу! Если власть древнего бога воцарится на земле, то мир навеки погрузится во Тьму, а его обитатели станут теньями и призраками...

– Бр-р-р, никогда не слышала ничего ужаснее и противнее! – меня передернуло.

Немногочисленные посетители трактира, внимательно слушавшие орка, в панике забились под столы, а из-под стойки уже торчали мощные окорока хозяина, от страха ходившие ходуном так сильно, что прикрывавшая их толстая дубовая доска жалобно потрескивала.

– Оггур, тебе в раннем младенчестве, еще над колыбелью, феи случайно – ничего этого, зловещего, не напорошили? – с невинным видом спросила я, стремясь хоть немного разрядить создавшуюся, излишне нервную обстановку.

У удивленного орка глаза полезли на лоб:

– Мелеана, ты о чем?

– Слышала я про одну несчастную, невезучую принцессу, которой сразу после рождения пообещали, что в зрелом возрасте она уколет палец веретеном и уснет вечным сном, – с готовностью пояснила я. – Так вот, ее родной, предусмотрительный папик спас девицу весьма оригинальным способом...

– Каким же? – поднял брови Оггур.

– Да элементарно. Отрубил ей руки по локоть, – саркастично хмыкнула я. – Что надо бы сделать и с твоим болтливым языком, чтобы людей пугать не повадно было!

Орк смущенно умолк и покраснел.

За окном послышался громовой хохот и в комнату заглянула донельзя заспанная драконья морда, лишь на самую малую свою часть поместившаяся в деревянном проеме.

– Ай да Мелеана, браво, браво! – Эткин насмешливо выдохнул в комнату порцию серого, удушливого дыма. Все закашлялись. – А ведь орк вас не пугал, он правду говорил, причем, щадя ваши нервы, специально умолчал некоторые, самые кошмарные подробности!

– Куда уж кошмарнее то? – проворчала я, обтирая платком закопченное от драконьего веселья лицо. – Тебе тоже что-то известно обо всем этом, а Эткин?

– Довелось почитывать в свое время кое-какую интересную литературу, – небрежно отозвался дракон. – Существует теория, уточняю – всего лишь теория, что Ледяной бог способен обрести полную силу, лишь вступив в брак с юной девственницей, благородных эльфийских кровей, облаченную в процессе пикантного ритуала в Пелену богини Аолы.

– Что еще за Пелена? – заинтересовался любознательный Лансанаризель.

– Я тоже слышал нечто подобное, – встрял орк. – А Пелена – это свадебная рубашка богини, бывшая на ней в ее первую брачную ночь с королем Греем, но ныне – утерянная. И никому не ведомо, где сейчас обретается сей священный артефакт. По легенде, на ткани Пелены сохранились капли священной крови самой Аолы – дарительницы жизни, и поэтому рубашка способна излечивать любые раны, уродства и болезни.

– Нашла бы ты ее первая, Ульрика? – тихо попросил дракон. – А то, как бы чего плохого не случилось, ведь похоже Детей холода кто-то уже выпустил на свободу!

– Кто, кто! – проворчал орк. – Ясно дело, кто! Все та же неугомонная Ринецея. Неужели она глупо наделась, что сможет заставить служить себе тех, кто во много раз превосходит ее силой и возможностями...

– Нет мне покоя, он мне только снится! – я обреченно схватила за голову. – Теперь значит будь добра, срочно ищи какой-то давно пропавший, никогда не стираный брачный наряд богини. А после него, что станет следующим – кальсоны демона, подтяжки гнома?

Шокированный Огвур сконфуженно молчал.

За окном ехидно хихикнул вредный дракон.

Глава 6

– Отпусти меня, дрянь! – пронзительно верещала некромантка Гельда, безуспешно пытаясь вырваться из веревки, крепко удерживающей ее запястья, привязанные к изголовью кровати. Я надеялась, что ведьма наконец-то послушается голоса здравого рассудка или хотя бы наших увещаний, но не тут то было. Истек уже час после того, как ведьма пришла в себя, и на протяжении всего этого времени Гельда вопила не переставая, щедро осыпая нас проклятиями и угрозами. Мы все заработали страшную головную боль, нервное расстройство, да и просто – навязчивое, маниакальное, уже почти не поддающееся контролю желание – прихлопнуть истеричную ведьму на месте, наплевав на любую ожидаемую от нее помощь.

– Ты пойми, дурочка, – на сотый раз мягко втолковывал Эткин, устало положив огромную голову на хлипкий балкончик, оказавшийся единственным украшением снимаемой мной комнаты, – мы вовсе не желаем тебе зла. Просто расскажи нам о намерениях твоей повелительницы Ринецеи, чтобы мы смогли выработать какой-нибудь рациональный план борьбы с этими ужасными ледяными тварями.

– А стриптиз для тебя не станцевать случаем? – издевалась над драконом Гельда. – У-у-у, гусеница бронированная! Я раскусила твой подлый замысел, хочешь выпытать у меня тайную информацию и навредить моей почтенной учительнице. Не выйдет, Гельда не предательница!

Эткин сокрушенно вздохнул:

– Да если бы все сводилось только к проклятой демонице. Но ведь речь идет о судьбе всего мира. Вот скажи, зачем она пробудила этих отморожков?

Я, сидевшая в углу комнаты и услышавшая про «отморожков», еле удержалась от смеха. Все-таки наш дракон всегда отличался непревзойденным чувством юмора! Но некромантка шутку не оценила.

– Как это зачем? – ее и без того большие черные глаза распахнулись еще шире от изумления, худое лицо презрительно скривилось, отображая неприкрытое пренебрежение к тупой летающей твари. – Моя повелительница могучая волшебница, она в итоге все же усмирит несговорчивых тварей, подчинит себе, и с помощью их силы станет единолично править миром. Ничего не скажу кроме этого, а то вы опять ей навредите!

Дракон выругался так смачно, что покраснел даже всегда невозмутимый и неизменно уравновешенный Огвур.

– Давайте ее уьем, – безжалостно предложил Ланс, жеманно поигрывая ножичком с серебряной рукояткой. – Или еще хуже – подарим демонам Азура, а то они дюже к человеческим бабам не равнодушны! Толку от нее все равно пшик, не таскать же ее с собой связанной.

Полукровка сказал правильно, пока у ведьмы нет возможности совершать пассы руками и добраться до своего драгоценного посоха – она совершенно безвредна, но и бесполезна настолько же. За всю свою недолгую жизнь, я встречала всего лишь двух умелых магов, способных творить заклинания без применения каких-либо посторонних накопителей энергии – Марвина и Саймонариэля. Гельда же подобными талантами явно не обладала.

– Э-ге-гей какой обабившийся смельчак выискался, – язвительно поддела некромантка, недвусмысленно намекая на сразу всем бросающуюся в глаза, слишком нежную дружбу орка и полуэльфа, – вот развяжи мне руки и увидишь чего я стою!

– Да видели мы уже, видели. – Огвур красноречиво погладил рукоять Симхеллы. – Как думаешь, Мелеана, может, стоит стукнуть ее еще разочек, да посильнее, для прочистки мозгов?

– Надоел мне весь этот фарс, – я решительно встала со своего места, подошла к кровати и склонилась над связанной пленницей, делая страшное лицо. – Мы с ней только время зря теряем. Придется ее пытаться.

– Ой! – неприятно побледнел Ланс. – Не знал что ты такая кровожадная. Тебе ее не жалко?

– Ничуть! – я незаметно подмигнула друзьям, призывая подыграть мне и посильнее припугнуть вредную девицу. – Я на многое способна.

– Еще бы, – с готовностью поддакнул полукровка, – помню, как ты извращенно издевалась над несчастным палачом в замке де Кардиньяк и злобно мучила Хранителя-призрака в подвале Незримой башни..., – для наглядности Ланс выпучил глаза и говорил хриплым шепотом.

В углу комнаты Огвур, очевидно вспомнив сценку с палачом, захлебывался сдавленным смехом, судорожно зажимая рот ладонью.

Я за спиной показала ему кулак, требуя молчать. Орк не справился с эмоциями, коротко взвыл и бросился вон из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью на прощание. Через пару минут со двора долетел его сбивчивый, неразборчивый голос, сопровождающийся заливистыми раскатами громкого, драконьего хохота.

– Вот слышишь, – печально констатировал прекрасно вжившийся в роль Ланс, – это они веселятся в предвкушении ожидающих тебя мучений!

– Ой, мамочка! – жалобно проблеяла и в самом деле не на шутку струхнувшая ведьма. – Что ты хочешь со мной сделать?

– Видишь этот волшебный амулет? – я вытянула из ворота рубашки белую косточку, некогда являвшуюся пальцем тетушки Чумы. – Он заключает в себе частицу силы королевы Смерти и дает мне власть над всеми черными магами. Именно он причинил тебе те мучительные ощущения, которые ты испытала при попытке ударить меня. А теперь представь, что приключиться с твоей белоснежной кожей, если я положу этот предмет на твою обнаженную грудь? Да она попросту почернеет и обуглится!

– Не надо! Пощадите! – некромантка разразилась бурными рыданиями. – Я все вам расскажу. Потому что если я подурнею, то принц на меня даже и не посмотрит!

Я убрала амулет обратно под рубашку, мысленно возблагодарив богов за доверчивость и самовлюбленность глупой ведьмы. Но ее последние слова меня сильно заинтриговали:

– А какая существует связь между твоим увлечением белокурым принцем и желанием вступить в бой с ледяными тварями? Ведь ты понимала, что шансов на победу у тебя мало?

– Понимала, – согласно кивнула девица. – Но согласно нашим обычаям, только убив противника, превосходящего тебя силами, девушка получает привилегию сама выбрать себе мужа, который не имеет права ей отказать.

– Вот это да! – восхищенно присвистнул Ланс. – Рыжая, получается, теперь ты можешь выбрать себе мужика, который даже вякнуть что-то против тебя не посмеет!

– Ты убила одну из тварей? – не поверила Гельда.

– Да. – Скромно подтвердила я.

– Невероятно! – злобно прошипела ведьма. – Но все равно, принц тебе не достанется. Он мой! И к тому же у меня имеется его портрет, который он мне самолично подарил. Видишь? – некромантка повела плечами, и из-под ее кожаного камзола немедленно выскользнул медальон на цепочке, висевший на шее. Я хладнокровно сняла украшение с длинной, гибкой девичьей шеи и осторожно поддев ногтем, откинула золотую крышечку. Да, несомненно, это был он! Это его неповторимые золотые глаза, белокурые волосы, изящно очерченный рот, вкус которого я так и не смогла забыть. Мой сказочный принц с портрета в Лабиринте судьбы... Я собственническим жестом опустила медальон в карман своего колета. Ведьма снова взвыла, на этот раз еще громче и возмущеннее:

– Ты наглая грабительница! Но оригинал твоим никогда не станет, так и знай.

Я философски пожала плечами:

– Ничего личного. Медальон может оказаться, в первую очередь, сильным магическим артефактом. Я просто хочу лишить тебя возможности колдовать против нас.

Ведьма замолчала, обиженно надув красивые губы. Я понимала, что она затаила зло. Ну и пусть! На душе у меня стало гадко и тоскливо.

– Рассказывай про тварей, – потребовал Ланс у некромантки, отвлекая меня от личных переживаний.

Гельда строптиво фыркнула:

– Мне ведомо не много. Я знаю, что учительница пробудила тварей ото сна, желая обратить их против тебя, Сумасшедшая принцесса. Но тварям оказалось совершенно безразлично, чью кровь пить. Они жаждут одного – напитать силой своего, омерзительного даже для нас, Ледяного бога и подчинить ему весь мир. Сейчас учительница ищет средство обуздать их аппетит, потому что твари вышли за пределы своей страны и двинулись в земли людей.

– И что нам делать? – обеспокоено спросила я.

– Не знаю. Храм их бога находится в проклятом городе Геферте, в самом центре Края Тьмы.

– Значит, мне следует проникнуть в Геферт, – не колеблясь, решила я. – Мы не убьем тебя, Гельда, и даже возьмем с собой, если ты пообещаешь не злоумышлять против нас.

– Клянусь именем Ринецей! – нехотя дала слово зарок некромантка.

Я освободила ее от веревок и повела вниз, вознамерившись накормить ведьму обедом. На повороте лестницы Ланс придержал меня за рукав, на его смазливом лице явственно читалось жгучее любопытство:

– Рыжая, – спросил он заговорщицким шепотом, – скажи, ты и вправду смогла бы пытками вытянуть из Гельды признание?

Я посмотрела на полукровку как на ненормального. Издеваться над пленными врагами? Извините, но на подобные мерзости я не способна.

Вечером, наедине с темнотой, я в одиночестве сидела на берегу Роны, любуясь зажигающимися на небосклоне звездами. Меня терзали тысячи противоречивых и непонятных мне самой переживаний. Часть из них касалась Тварей стужи. Сможем ли мы противостоять этим сверхъестественным существам, которых кажется, опасались даже сами всемогущие демиурги? Ох, Ринецей, Ринецей! Ты родилась неудачницей, а из самых отъявленных неудачников со временем получаются великие завистники. Я просто не ожидала, что твоя зависть к Аоле, твоя жажда власти приведут весь мир на грань катастрофы, причем, столь ужасной и неотвратимой. А может, и это тоже стало всего лишь частью жестокой игры, задуманной скучающими демиургами? Есть ли у меня выбор? Играть по правилам демиургов, или же в пику им выработать свою, непредсказуемую стратегию и тактику? Ну и надоели, однако, мне эти демиурги, не поймешь – чего они хотят на самом деле? Не понятные они какие-то, мутные, настоящие серые лошадки. Впрочем, как любит говорить красавец Ланс – даже у самой серой личности есть своя заветная, голубая мечта!

Вторая часть невысказанных мыслей касалась загадочной личности белокурого принца. Я сжала кулаки, до крови впиваясь ногтями в ладони, пытаясь удержать мучительный стон, так и рвущийся с искусанных от отчаяния губ. Я сознательно обманула Гельду! В моем отношении к медальону с портретом изумительного мужчины, которым я восхищенно любовалась не далее, как минуту назад, на самом деле оказалось много, слишком много личного. Я..., я кажется и взаправду – до самозабвения, до настоящего сумасшествия люблю этого невероятного красавца, жить без которого не могу и не хочу! И еще, я похоже, до безу-

моя ревную его к прекрасной некромантке. Новые для меня чувства разрывали неопытное сердце, наполняя его волнением и страданием. А неожиданно родившаяся песня, напоенная овладевшей мной ревностью, взвилась к ночному небу – выплескиваясь прямо из глубин непокорной, сумасбродной души:

Каждый вечер на дорогу
Личный мой выходит враг,
То, покинувши берлогу,
В ночь крадется вурдалак

Щурит красные глазенки,
А в душе таит корысть —
Чтоб до самой селезенки
Естество мое прогрызть

Кровь мою, за каплей каплю,
Будет пить не торопясь,
Шелк волос свалает в паплю,
Честь и гордость втопчет в грязь

Доведет до безрассудства,
Врать научит и хитрить,
И двуличные паскудства
Подобьет меня творить

Сам, хихикая довольно,
Убежит в ночную тьму,
Я же буду добровольно
Изводить себя саму

Ведь сдалась почти без драки,
Зря поверила ему,
А любви, послушав враки,
Объявила я войну

В этой битве правил нету,
Чувства здесь спекают в шлак,
Бьет под дых, бродя по свету,
Ревность – злобный вурдалак

Лишь взмахнет костлявой дланью,
В миг пустеет целый край,
Каждый день спешит за данью,
Жнет обильный урожай

Кто сомненьям смутным дверцу
Приоткрыл хоть на кулак,
К тем тайком вползает в сердце
Ревность – злобный вурдалак

И покуда в селезенке
Не иссякнет Ваша кровь,
Будет он, прикрыв глазенки,
Выгрызать из Вас любовь

Красивые женщины редко рождаются умными. Лилуилла была прекрасна. Он могла часами любоваться своими золотистыми, спускающимися до самой земли волосами, лилейно-белыми, маленькими ручками, бездонными серебристо-серыми очами и крохотным алым ротиком, отраженными в зеркале с алмазной оправой. Оправу венчал родовой герб – нераскрывшийся бутон синей розы, зажатой в лапке у соловья. И не важно, что прелестная княжна принадлежала всего лишь к второстепенной, побочной королевской ветви, к благородному клану ил-Рианон, зато в образе самовлюбленной кокетки безупречно воплотились оба родовых символа: и королева всех цветов – роза, и сладкозвучный соловей – подаривший Лилуилле свой чарующий голос. Самые завидные женихи склонялись к ногам высокомерной красавицы, униженно вымаливая хоть каплю ее внимания. Но княжна отлично знала свою истинную цену! Меньше чем на принца она не согласна! И заветная мечта Лилуиллы сбылась – оба высокородных отпрыска правящего дома попали в умело расставленные сети. Сам Аберон Холодный, наводивший ужас одним своим именем, попросил княжну стать его женой. Но альбинос оказался столь безобразен...

Лилуилла зябко повела плечами, плотнее кутаясь в меховую пелерину, встала с кресла и подошла к окну. Так и есть, нерадивая служанка – тупая деревенская девка, не до конца прикрыла тяжелую деревянную раму с цветными стеклами, оставив щель, через которую в комнату княжны и проникал морозный, наружный воздух. Девушка протянула пальчики и сердито повернула ручку оконной створки. Сразу же стало значительно теплее. Лилуилла старательно хмурила узкий лобик, на котором и от столь значительного умственного усилия все равно не появилось ни одной, даже самой крохотной морщинки, и вымученно занималась непривычным и тяжелым делом – она размышляла. За окном вольготно раскинулась безжизненная, заснеженная равнина, простиравшаяся во все стороны, и казалось, не имевшая ни конца, ни края. Он такого невероятного количества снега, девушке снова сделалось холодно, на этот раз – на сердце.

– Какая страшная страна! – вслух посетовала княжна, торопливо отступая вглубь комнаты, поближе к источающему теплу камину. – Здесь нет ничего кроме льда, да ночного унылого воя белых волков. Пресветлые боги, неужели меня хотят выдать замуж за короля волков? – красавица нервно рассмеялась. – Может, я зря отказала Аберону?

Память услужливо перенесла Лилуиллу на несколько недель назад, оживив пред глазами картину недалекого прошлого. Она действительно отказала Холодному, небрежно отослав прочь знатных сватов, прибывших с богатыми брачными подарками. Принц-альбинос внушал ей ужас и отвращение уже одним видом своей бесцветной кожи, взором кровавых, немигающих глаз и длинными, тощими пальцами, сильно смахивающими на омерзительных могильных червей. То ли дело его младший брат – Лионель. Этот принц, к огромному сожалению княжны не являющийся наследником трона Поющего острова, вполне соответствовал ее утонченному вкусу в отношении мужчин. Лионель отличался редкостной красотой, галантными манерами и умел непринужденно болтать на любую тему, что, по меркам Лилуиллы – являлось высшим шиком светского аристократического воспитания. И глупышка уже почти ответила согласием... Но тут случилось непредвиденное – их добрый король Шеарран скоростигжно скончался, Аберон по праву наследника воздел на свою безобразную голову монарший венец, увенчанный геральдическими сапфировыми розами, а младший принц внезапно исчез... Немало горьких слез пролила прелестная покинутая невеста, с рас-

каанием сожалея о своей незавидной девичьей доле. А ведь она могла бы уже восседать на королевском троне, рядом с мужем-выродком... «Нет!» – Лилуилла испуганно вскрикнула. Никогда не смогла бы она добровольно возлечь на свадебное ложе ненавистного уroda! Но король почему-то совсем не докучал ей насильственными ухаживаниями. Он прибыл в замок клана ил-Рианон поздним вечером, одним недовольным взмахом руки отмел слабые возражения старого князя и приказал Лилуилле спешно собираться. «Куда?» – всполошилась девушка. Король, странно улыбаясь, вежливо разъяснил, что княжна удостоена величайшей чести – она отбудет в чуждые эльфам земли, где вскоре станет супругой всеильного владыки, могущество которого почти не уступает власти Пресветлых богов. Лилуилла растерялась, горделиво возрадовалась, зачванилась и, в итоге, позволила увести себя из отчего дома. Само путешествие она помнила смутно. Невесту все время везли в закрытой карете, да к тому же – на нее внезапно навалился длительный, непреодолимый сон. Разум вернулся лишь в пределах огромного мрачного города. «Геферт!» – донеслось до Лилуиллы. Это название оказалось ей не знакомо. И вот уже несколько дней она безвыходно жила в покоях огромного, холодного замка. Почти одна, окруженная скромным количеством нелюдимоx, безмолвных, плохо вымуштрованных слуг. А неведомый, обещанный королем Абероном жених, все не показывался...

Лилуилла опустилаcь в высокое кресло, взяла в руки надоевшую вышивку и запела. Глубокий, богатый интонациями, переливчатый голос девушки трепетно выводил слова грустной баллады о безответной любви, авторство которой приписывали самой Сумасшедшей принцессе:

Влюбился в розу соловей...
И вот хорей и ямбы
Среди березовых ветвей,
Слагает в дифирамбы

Лишь только солнце к вечеру
Не так паляще жарит,
Он розе новую строку
Вновь вдохновенно дарит

И песня громкая звучит
Над восхищенным лесом,
Но роза вежливо молчит
С безликим интересом

Она бела и холодна,
А он звенящим тоном
Готов любовь излить до дна
Над трепетным бутоном

В полете крылья распластал,
Он вдруг не удержался —
К шипам убийственным припал,
И грудью к ним прижался

Душа истерзанно кричит
Любовными словами,

Но сердце больше не стучит —
Пронзенное шипами

Алеет розовый бутон,
Налитый свежей кровью,
А соловей под смертный стон
Прощается с любовью

И умер маленький певец...
А в тот же миг случилось,
Что эта роза, наконец,
Проснулась и раскрылась

Но не увидит соловей
Как напившись кровью,
Сияет роза средь ветвей —
Живет его любовью...

Княжна много слышала о легендарной принцессе, доводящейся ей дальней родственницей. Но каждая новая история неизменно повергала Лилуиллу во все большее и большее недоумение. Женщина — забыв о своем истинном предназначении околдовывать мужчин, носится с мечом и кинжалами, а вместо пышного платья одевается в вульгарные мужские штаны и потертую шляпу. Женщина ли это вообще? Отказывается от власти и почестей, отвергает богатого и именитого жениха — подобное у княжны просто не укладывалось в голове. Да негодная рыжая принцесса позорит не только себя, но и весь женский род! Нет, Лилуилла не такая! Она, в отличие от Сумасшедшей принцессы, станет терпеливо ждать неведомого нареченного, петть и искусно вышивать шелковые платки, предназначенные тому, о ком она так жадно грезит в ночной темноте своей уютной девичьей спальни — о прекрасном принце, который, конечно же, должен непременно оказаться высоким, смуглым и черноволосым. И он, несомненно, придет уже скоро, совсем скоро...

Первые лучи восходящего солнца застали меня во дворе, тщательно разглядывающую лезвие бесценного Нурилона. Я опасалась, вдруг ледяные клинки Тварей стужи причинили какой-нибудь вред волшебному мечу? К счастью, мои опасения не подтвердились. Нурилон как и всегда, спокойно сиял мерцающим, синим цветом, тихонько напевая привычную, лишь одной мне слышную песенку. Я ласково погладила черную рукоять и прижалась губами к обнаженному мечу, даря верному другу нежный поцелуй. Нурилон даже мурлыкнул от удовольствия и ответного, теплого чувства:

— Ужас какой, — на крыльце стояла Гельда, — в вашей странной компании похоже, одни извращенцы собрались. Ты с мечом целуешься, эльф с орком, а дракон за всеми подглядывает...

— Эх, — дверь снова шумно распахнулась, сбив с ног некромантку, шумно приземлившуюся прямо в центр стайки весело похрюкивающих поросят. Через порог перешагнул взлохмаченный, потирающий глаза и широко позевывающий Ланс. — Хлопотное это оказывается дело, доложу я вам, друзья, осуществлять наши непрерывные походы и подвиги! Вот я лично — каждый день просыпаюсь с петухами и от того, чувствую себя постоянно невыспавшимся!

— А ты с женщинами, для разнообразия, просыпаться попробуй! — ехидно предложила Гельда, грубо отпихивая от себя упоенно облизывающего ее поросенка. — Глядишь, и здоровье у тебя наладится...

– Ой, – дракон широко распахнул выпуклые глаза, видимо, осененный гениальной мыслью, – так что же, получатся, Огвур у нас этот – пету...

В дверях послышалось сердитое сопенье разъяренного орка, и скрежещущий звук неторопливо извлекаемой из заплечного футляра секиры.

– А я что, я ничего! – Эткин быстро отступил назад и по-собачьи уселся на задние лапы, передними – предусмотрительно прикрывая голову. – Это все она!

– Ну, чего с нее взять, если эту ведьму даже свиньи сразу за родню признали! – указал пальцем красный от гнева тысячник, недвусмысленно намекая на теплый прием, оказанный Гельде стайкой любвеобильных хрюшек.

Ведьма взбешенно и весьма немзыкально взвыла, поросята немедленно поддержали ее радостным, дружным визгом, Ланс скривил губы и демонстративно заткнул уши. Из окон торчали головы многочисленных посетителей трактира, привлеченных бесплатным концертом. Я усмехнулась:

– Будем считать, что утреннюю зарядку мы отработали честно. Можно выступать в путь.

Я предпочла оставить наших скакунов под кровом любезного трактирщика. Как ни жаль было надолго расставаться с верным Бесом и Снегом, прекрасным белогривым конем Лансанариэля, но какое-то странное чувство упорно нашептывало мне на ухо, что в принятом нами походе в Край Тьмы, лошади станут излишней обузой. При этом сам хозяин в сопровождении всего высыпавшего на крыльцо семейства, столь долго и усердно махал нам в след, что я не безосновательно усомнилась в искренности его приглашений заглянуть на обратном пути, усмотрев на широком, красном лице явное облегчение, вызванное нашим отбытием. Впрочем, простительное и откровенно-неприкрытое ликование трактирщика немного подпортил хулиган Эткин, клятвенно пообещавший по доброте душевной как-нибудь заглянуть на досуге, проверить прочность свежее отремонтированного курятника. «Подложить свинью, так сказать, по примеру кое-кого опытного в подобных акциях!» – добавил он, лукаво подмигивая некромантке. Сама же Гельда, очевидно, не привыкшая долго ходить ножками, что-то неразборчиво ворчала себе под нос и бросала на дракона красноречивые взгляды, на которые он, впрочем, совсем не торопился ответить любезным приглашением прокатиться с ветерком. А попрошайничать в наглую, некромантка побоялась, видимо, опасаясь не столько острых когтей и зубов крылатого гиганта, сколько его не менее острого языка.

На третий день пути окружающий пейзаж изменился разительно. Извилистая Рона значительно расширилась и углубилась, прибрежные полянки и песчаные отмели сменились покатыми, обглоданными водой валунами. Над поверхностью реки, уже не величаво спокойной, а взволнованно вздыбленной, стоял неумолкающий рокот, предвещавший скорое приближение порогов. Ведьма протянула руку с посохом, указывая вперед:

– Видите, за тем поворотом начинается водопад Тысячи радуг, место непонятное и небезопасное. Выше него реки-сестры сразу же расходятся, чтобы не встретиться уже никогда. Лиара уходит в Долину кленов, до еще одного водопада, на котором стоит Храм трех божественных братьев и древний город кентавров – Нис. Долина одной стороной граничит с Черными горами, за которыми, на Роне, находится легендарный Скилур – столица королевства орков. За Долиной кленов, защищенный скальными каньонами, раскинулся торговый край людей Рохосс, родина огромных собак и дурманящей травы янт. Из порта Рохосса, по морю, можно доплыть до Поющего острова. А еще дальше, за ханством, отделенный непроходимыми, заколдованными лесами, и начинается Край Тьмы – попасть в который не смог еще ни один человек или маг. Именно там, согласно легенде, скрывается проклятый город

Геферт, пропитанный злом и магией, источником которого считается храм зловещего Ледяного бога.

– Моя мать происходила из благородного рода ликерийских дворян, а Ликерия является приморским районом Рохосса. – Робким шепотом добавил Ланс.

Мы с Огвуром незаметно переглянулись. Рохосское ханство стало последним пунктом на нелегком пути отступления побежденного клана Синих эльфов, убегавших на Поющий остров. Именно там произошли завершающие, ужасающие по жестокости и кровопролитию бои, и не мудрено, что в тех краях эльфов заметно недолюбливали и по сей день. Мы еще сильнее утвердились в своей давней догадке, что отцом нашего прекрасного полукровки оказался какой-то синий аристократ. А я в очередной раз дала себе твердое обещание до конца разобраться в этой печальной и запутанной истории.

Водопад Тысячи радуг не зря получил столь многоговорящее название. Объединенная сила двух могучих рек ревела и бушевала в узком проходе между скалистых обрывов, зияющих многочисленными пещерными лазами, бурно переклестываясь через острые каменные пики. Мы невольно попятнулись, напуганные зрелищем неукротимой стихии. Над пузырящейся и грохочущей водяной пеной стояла яркая, широкая многоцветная радуга, собранная из тысяч кристальных, танцующих в воздухе брызг и капелек.

– Нам нужно каким-то образом перебраться на противоположный берег, если мы хотим попасть в Долину кленов, а не в Черные горы к сифам, – некромантка продолжила свои обязанности гида.

Я невольно поморщилась. Вот уж, не имею ни малейшего желания снова встретиться с Генрихом. Не то, чтобы я испытывала к нему острую антипатию, скорее – наоборот, благородный и отважный барон всегда являлся для меня самым колоритным образчиком всех возможных мужских достоинств, собранных в одном, великолепном по своим физическим статьям теле. Но от чего-то, наши последние встречи всегда заканчивались недопониманием и даже конфликтами. Возможно, если бы я так отчаянно не мечтала о белокуром принце с портрета в Лабиринте судьбы, то наши отношения с бароном де Греем сложились бы не столь плачевно и мы...

Не очень то уместные сейчас лирические размышления неожиданно прервал Огвур, невежливо, и весьма болезненно пихнувший меня кулаком в бок.

– Мелеана, – укоризненно проворчал он, – что-то ты в последнее время подозрительно часто задумываться начала, причем, с глупым видом. Ты, часом, не влюбилась?

Я покраснела:

– Влюбишься тут, кажется! Проблемы наваливаются, только успевай уворачиваться. Никакой личной жизни.

– Щас будет, – ехидно пообещала Гельда. – Посмотрим, до какого извращенного способа ты додумаешься для того, чтобы переправиться на тот берег. Немного изучив противостественные склонности вашей ненормальной компании, имею основания подозревать все самое несуразное...

– Как же, размечталась, держи карман шире! – насмешливо прервал некромантку Ланс. – Все гениальное – просто! Сейчас Эткин нас в два счета на тот берег перенесет, мы даже ног не намочим.

– Ага, – прищурился дракон. – Эльф прошел по воде, не смочив коленки. Чудо – думали друзья, оказалось – мелко. Не хотелось бы тебя разочаровать, красавчик, но чудо – отменяется.

– Как отменяется? – не понял Ланс.

– А вот так, – развел лапами Эткин, – погода нынче не летняя...

– Опять наш кузнечик-переросток норы показывает, – возмутился орк. – Нашел время!

Я частенько подмечала некоторую, прочно укоренившуюся, и временами прорезающую неприязнь между Огвуром и Эткином, ведущую начало с эпизода их героической встречи под стенами замка де Кардиньяк, но сейчас явно был не тот случай.

– Что-то случилось? – тихонько спросила я у дракона.

Гигант недовольно повел носом:

– Нехорошее это место. Воздух здесь так и пропитан мириадами искусно переплетенных магических нитей. Я их всегда чувствую безошибочно. Магия враждебная, темная. И невероятно сильная. Она намеренно опутывает мне крылья, не дает взлететь...

И словно разбуженный этими словами, мой амулет, итак постоянно напряженный от присутствия Гельды, дернулся сильнее и предупредительно завибрировал. Я изумленно оглянулась, обшаривая прищуренными глазами однообразный скалистый ландшафт. Но даже мое острое зрение не смогло ухватить никакого постороннего элемента, хотя амулет продолжал явственно сигнализировать о приближении сильной некромантической магии.

– Как же не люблю я все эти тайны и загадки, – ворчала я, медленно снимая со спины сначала ножны с Нурилоном, затем колет, а потом отстегивая многочисленные ножи и извлекая из-за голенища ботфорта серебристые метательные звездочки. Сунула в руку Оггура драгоценную «Рануэль Алатору»:

– Береги, головой за нее отвечаешь, потом – вернешь.

– А ты куда собралась? – забеспокоился бдительный друг.

– На тот берег, – я повесила на плечо моток тонкой, крепкой веревки из конского волоса. – Если дракон не может перелететь реку, значит, придется мне ее переплыть!

– С ума сошла? – с негодованием взвился Белый волк. – На этот раз как пить дать, сошла! Только безумец полезет в подобную стремнину!

Я довольно показала ему язык:

– Лансу духа не хватит, ты – слишком тяжелый, а я, к твоему сведению, отлично плаваю, причем – давно привыкла к холодной воде лесного озера. Так что мне и карты в руки!

Орк даже застонал от раздражения, вызванного моими нарочито дурашливыми манерами:

– Мелеана, у меня такое ощущение, что ты испытываешь какое-то мазохистское удовольствие, в очередной раз рискуя собственной жизнью!

– А то ж! – насмешливо подмигнула я. – На то я и прозываюсь Сумасшедшей принцессой! Да и не зря мне с самого раннего детства внушали, что в жизни всегда есть место подвигу.

– Недальновидные тебе достались учителя! – осуждающе покачал головой мудрый Оггур.

Но я успокаивающе похлопала его по плечу и вступила в воду. В голове вертелась шальная, невесть откуда взявшаяся мысль – возможно, если я стану как можно чаще совершать нелогичные поступки, то и судьба, в свою очередь – ослабит бдительность, и побыстрее сведет меня с белокурым принцем? Я фыркнула этой несуразице, погрузилась по плечи, оттолкнулась ногами от дна и поплыла.

Вода оказалась не просто холодной, она тут же впилась в мое мгновенно заledenевшее тело сотнями острых, обжигающе смертельных игл. Я из всех сил боролась с тугими струями потока, неумолимо сносившего меня вниз, на гребень водопада. Сначала я довольно уверенно продвигалась вперед, преждевременно радуясь замаячившему не вдалеке берегу. Но река не собиралась сдаваться без боя. Мощная струя воды, являющаяся стержнем, душой двух противоборствующих течений, опомнилась, встрепелась и с кровожадным рычанием набросилась на неосторожную жертву. До меня смутно доносились испуганные крики друзей и бессильный, растерянный рев мечущегося на мелководье дракона... А потом водоворот накрыл меня с головой, оглушил, ослепил и бросил в темное сердце водопада. Вместе с

победно грохочущим водяным вихрем, я летела вниз, став всего лишь одной из тысячи крохотных капелек, образующих прекрасную, но бездушную радугу. Со всего маху я с душераздирающим воплем грянулась на жесткие валуны. Цепочка с медальоном Гельды, как живая выскочила из промокшего, разорванного ворота рубашки. Золотые створки распахнулись, и мое лицо уткнулось в эмалевую миниатюру. Уже теряя сознание от холода и боли, я неясно увидела, как глаза нарисованного юноши внезапно ожили и расширились, а его алые губы приоткрылись и шепнули недоверчиво, но обрадовано:

– Ульрика? Ты?

Глава 7

Красивые женщины редко рождаются умными. Ринецее не повезло вдвойне. Обладательницы миленькой внешности всегда особо рьяно ненавидят своих более привлекательных соперниц, понимая, что сами они, по какой-то неведомой насмешке судьбы, промахнулись мимо истинной красоты на каких-то вшивых полпальца. Обидно. Ринецея всегда жутко завидовала ослепительной красоте богини Аолы. Может быть, молодая демоница и имела довольно неплохие шансы стать со временем весьма умной особой, если бы на беду не поддалась обуревавшим ее чувствам – зависти, жадности, суетности и мании величия. Недоучившаяся магичка, воспитанница великой богини самонадеянно возмечталась занять место своей излишне доверчивой покровительницы. И ведь надо же – получилось! Хитроумный Астор, по своим интеллектуальным качествам намного превосходивший посредственную сестру, умудрился добыть один из шести легендарных клинков демиургов, хранившийся в заброшенном святилище Радужного уровня. За последние сотни лет, конечно же, не без вмешательства Ринецеи и самого Астора, могущество Великих значительно поослабло, что оказалось только на руку окончательно распоясавшимся демонам. Но если гранд-мастер всегда мечтал лишь о расширении территории Изначальных, вынужденных ютиться в сумрачном краю за порталом Тьмы, то его завистливая сестра стремилась к достижению личных, отнюдь не настолько благородных и альтруистических планов. И удача оказалась на стороне рискнувших. Богиня Аола, получившая удар усыпляющего лезвия «Нумриэль Алаторы», уже давно пребывала в состоянии пограничном между жизнью и смертью. Ее божественные братья, не устоявшие против чар принца демонов, разделили печальную участь сестры, заняв отведенные им места на дне Озера безвременья. Ринецея сумела соблюсти видимость мнимого равновесия сил добра и зла, принудив короля Грея – возлюбленного Дарящей жизнь, отнести саркофаги богов на дно колдовского озера. Свергнутых Пресветлых ожидало забытие, медленно, но верно сменяющееся постепенным угасанием. Король заживо гнил и каменел в отдаленной пещере, эльфы не вмешивались, сильфы проиграли войну, получили наказание и еле выживали, а люди не понимали что происходит, и все в целом складывалось замечательно. Прикрывшись кожей, содранной с лица богини Аолы, демоница вполне успешно дурила всех и вся, накапливая силы и постепенно набираясь ума-разума. И даже само Око времени вроде бы начинало потихоньку подчиняться новой повелительнице, показывая что-то туманное и малопонятное. И тут планы демонов значительно подпортило одно мешающее но – королева Смерть, дипломатически не нарушая личным присутствием едва установившегося хрупкого равновесия добра и зла – умудрилась втянуть в историю противостояния богов и демонов свою сумасшедшую внучку. Вот это то и стало началом конца! Все сразу же пошло наперекосяк. Сумасбродная, непоседливая, уродливая рыжеволосая девчонка играючи разрушала продуманные, тщательно спланированные проекты демоницы, повергая ту в полнейший ступор совершенной нелогичностью каждой своей новой и всегда невероятной, невероятной, непредсказуемой выходкой. И Ринецея возненавидела Ульрику де Мор до самой глубины своей мелкотравчатой, черной, злобной душонки – поклявшись любым способом извести неугомонную принцессу. Не важно как – с помощью первой подвернувшейся под руку, пускай даже самой грубой и недостойной подлости, купленной по высочайшей цене... Ослепленному ненавистью не виден свет истины. Ринецея зарвалась, витающий в любовных облаках Астор проявил халатность и пошел на поводу у своей недалёковидной сестры. Хроники Бальдура были найдены и прочитаны, заклятие, наложенное демиургами – спало, Дети стужи вырвались на свободу...

Ринецея злобно хрустела тонкими белыми пальцами. Мысли разбегались, разбегались, и в итоге разбежались окончательно – оставив демоницу ни с чем. Тщательно разработанный замысел рухнул, причем повлек за собой столь ужасную катастрофу, что впору было хвататься за веревку да лезть в петлю от отчаяния и бессилия. Но лже-богиня стремилась сохранить видимость благополучия даже при самой плохой игре...

Астор, внимательно наблюдающий за сестрой, насмешливо прищурил золотистые глаза. «Ну, и кого ты хочешь обмануть?» – красноречиво говорила кривая ироничная ухмылка, исказившая алые губы демона. Под этим обличающим взглядом Ринецея торопливо выпрямила спину и постаралась придать себе самый умиротворенный вид.

– Ах, братец, не драматизируй, – небрежно начала она, при этом, с головой выдав свои истинные чувства едва слышным хрустом судорожно сжимаемых и разжимаемых фаланг пальцев, – все не так плохо. Бывает и хуже!

– Бывает и хуже, – покладисто согласился Астор. – Но – реже!

Ринецея прикусила подкрашенную кармином губу, стараясь не разрыдаться:

– Но ты же сам восторгался моей идеей!

– Не сваливай, пожалуйста, вину на меня, – принц недовольно поморщился. – Никогда себе не прошу, что плохо изучил древние книги, не выяснил все подробности связанные с пробуждением Ледяного бога и позволил увлечь себя этой дурной затеей... Недаром, видимо, говорят – выслушай женщину и сделай все наоборот!

– Но вот, – совсем по-детски всхлипнула жестокая демоница, – всегда я одна во всем виновата!

– Никто тебя не винит! – принц устыдился своего непростительного поведения, встал с кресла и нежно привлек к себе на грудь черноволосую головку сестры, баюкая и успокаивая. Ведь и впрямь, недостойно мужчины в чем-то упрекать слабую, увлекающуюся, сжигаемую ненавистью женщину. – Я что-нибудь придумаю. Не плачь, родная!

Ринецея облегченно расслабилась:

– Ты же умный, сделай милость, придумай. А то от моих усилий нет никакого видимого результата. Работаю как лошадь, кусаю врагов как змея, устаю как собака, а толку то – пшик. Почему?

– Ну откуда мне знать почему, я ведь не коновал, – отшутился Астор. – А если серьезно, позволь действовать мне.

– И что ты хочешь сделать? – Ринецея подняла на брата светящийся надеждой взор.

– Ситуация сложилась угрожающая, – Астор взволнованно вышагивал из угла в угол, рассуждая на ходу. – Кто же мог предположить, что Ледяные ярлы повернут свое воинство против нас, пробудивших их к жизни. Я так полагаю, что справиться с ними теперь сможет лишь один человек – девушка, принцесса...

Ринецея взбешенно вскочила на ноги, с треском разрывая попавший под каблук подол платья из бесценного, серебристого эльфийского шелка:

– Просить помощи у нашего злейшего, ненавистнейшего врага? У самой Сумасшедшей принцессы? Никогда!

– Сестра! – старался образумить сестру принц, но демоница продолжала бушевать.

– Вспомни, она и ее друзья убили твоего единокровного брата Абигера.

– Ну, этот то всегда оставался тупым мордоворотом, шестеркой, – негромко буркнул Астор. – Сам балбес виноват, нарвался.

– Я из кожи вон лезу, – продолжала истерично голосить Ринецея, – стараясь усилить наше влияние. А ты хочешь рассказать Ульрике все и разрушить так тщательно выстраиваемый замок нашего будущего величия.

– Не все, – Астор наставительно поднял палец, – далеко не все, лишь самое нужное.

– Никогда! – повторно взывала Ринецея, упрямо топя туфельками.

– Ты подумай сама, ведь все твои задумки часто играют и против нас тоже, – начал перечислять принц. – Ты ослабила возможности Великих, это да. Ну-ка, вспомни, что тебе пришлось для этого сотворить с драконами. Но ведь это значительно поуменило и мою колдовскую силу. Ты направила на Ульрику принца Ужаса и принцессу Страх, что лишь незначительно приостановило девушку, но привело к потере двух наших самых ценных соратников. Ты уговорила меня пробудить Детей стужи, но и этот план обернулся против нас самих. И наконец, ты, с истинно женским коварством придумала отдать короля Мора – отца принцессы, сына самой Смерти, в дар ледяным тварям и это...

– Остановись, брат, – Ринецея вытянула по направлению к Астору руку, вооруженную острыми, угрожающе пошевеливающимися когтями, – или мы поссоримся. Я вижу, ты принимаешь слишком близко к сердцу проблемы этой рыжей девки!

– Да ничего подобного, – принц торопливо отвернулся, чтобы демоница не заметила краски смущения, предательски залившей его лицо при упоминании о девушке, с некоторых пор овладевшей всеми его помыслами и желаниями. – Я просто указал на побочный, невыгодный эффект наших действий.

– Ой ли! – насмешливо поддела злопамятная сестра.

– Я придумаю подходящий план, как заставить принцессу исподволь действовать в наших интересах, – торопливо пообещал Астор, в душе отдавая себе отчет, что вряд ли сможет совершить хоть один поступок, способный как-то навредить любимой. – Я...

Внезапно он побледнел и напрягся, золотистые глаза недоверчиво расширились:

– Непостижимо! – шепнул он.

– Что случилось? – ошеломленно осведомилась Ринецея, но принц лишь коротко отмахнулся – не мешай.

Я чувствовала привкус крови во рту и легкое головокружение. Ощущая себя лежащей на грубом, мокром камне, я, одновременно с этим, пребывала в каком-то радужном облаке, окутывавшем меня невесомым, золотистым маревом. И в этом тумане присутствовал кто-то еще кроме меня.

– Помоги же мне, милая! – ласково шепнул странно знакомый голос. – Сконцентрируй мысли, потянись ко мне.

Я потрясенно вскрикнула. Еще не успев понять смысла услышанных слов, я тончайшими фибрами души мгновенно опознала человека, которому принадлежали завораживающие бархатистые интонации.

– Ты? – мои разбитые губы раздвинулись в слабой улыбке. – Это ты?!

– Я! – выдохнул он, так близко и вещественно, что струя теплого воздуха, вырвавшегося из его рта, коснулась моей шеи и живой струйкой поползла вниз, в вырез рубашки. – Вот мы и встретились! Ты не рада?

– Рада! – честно призналась я. – Наверно это глупо, но я так и не смогла забыть тебя с тех пор, как увидела впервые, на портрете в Лабиринте судьбы...

– Ох уж этот Лабиринт, – воркующе перебил он. – Глупышка, что же ты натворила, войдя в него!

– Я встретила там тебя, – счастливо уточнила я, – уж не знаю, на беду или на радость...

– Глупышка! – снова нежно обозвал он, сумев каким-то загадочным образом вложить в это короткое, и по сути обидное слово – проникновенность миллиона сонетов и красоту тысячи баллад.

– Я не знаю, кем ты являешься на самом деле, – продолжала я, как в полусне замечая из всего существующего в мире только его неповторимые глаза и полураскрытые губы, парящие прямо передо мной, – но понимаю, что, скорее всего – ты враг и воюешь на стороне Ринецеи...

– Разве это важно? – с мучительной горестью перебил он. – Да пропади оно все пропадом... Разве есть что-то важнее нас?

– Нет, – очарованно согласилась я. – Я ежеминутно думаю о тебе!

Он рассмеялся грудным, обволакивающим смехом. Алые губы приблизились. Я совершенно не понимала, что происходит. Сквозь контуры его лица я отчетливо видела серую громаду утеса, омытую потоком водопада, но в тоже время явственно ощутила прикосновение двух крепких рук, властно обвивших мою талию. Возникший из ниоткуда палец, заканчивающийся черным когтем, повелительно приподнял мой подбородок и алые губы тут же осыпали меня сотней жгучих, требовательных, жадных, похожих на укусы поцелуев. Я застыла от восторга, закрывая глаза в истоме и изнеможении...

– Мелеана! – раздался громкий призыв Оггура. – Что с тобой?

Я вздрогнула и пришла в себя. Образ белокурого юноши начал истончаться, таять как облачко, унося с собой частицу моей души.

– О, не уходи! – взмолилась я.

– Нис, – едва слышно прошелестело в воздухе, – запомни, милая, город кентавров Нис. Приходи туда как можно скорее, я буду ждать... – голос оборвался, золотистое сияние померкло.

– Мелеана! – абсолютно не вовремя подоспевший орк подхватил меня под руки, поддерживая и помогая подняться. – С тобой все хорошо?

– Еще как хорошо, – усмехнулась я, уже осознав, что каким-то случайным образом смогла через медальон Гельды установить контакт с белокурым юношей, встречным мной в Лабиринте судьбы.

– Bravo! – Ринецея излишне демонстративно похлопала в ладоши. – Bravo, братец! Ты великий лицедей и сердцеед. Сумел мастерски обворожить наивную девчонку!

Астор тонко улыбнулся:

– Я же обещал тебе, что сумею повлиять на принцессу! Но нужно торопиться – я назначил ей встречу у стен Ниса, пойду собираться в дорогу. – С этими словами принц спешно покинул комнату.

– Ой, что-то я тебе не верю, братец, – злобно прошипела Ринецея в спину уходящему. – А может, все обстоит с точностью до наоборот, и эта подлая тварь обворожила тебя и обвела вокруг пальца? Поступлю-ка я, на всякий случай, по-своему...

«Сестра мне явно не поверила, – думал Астор, пересекая длинный коридор и направляясь в свои личные покои. – Хотя меня сейчас больше всего волнует другое – поверила ли мне Ульрика? Возможно, я предаю сестру, но клянусь, что ни при каких обстоятельствах ни один волосок не упадет с головы моей прекрасной, моей Сумасшедшей принцессы!»

Оггур выглядел озабоченным. Но, судя по бледному лицу Ланса и взволнованному взгляду Эткина, они тоже приняли близко к сердцу мой опасный, образцово-показательный полет вместе с потоками воды, низвергающимися со скального уступа. Одна лишь только Гельда и глазом не моргнула, нимало не озаботившись печальной участью несносной рыжеволосой принцессы. Орк заботливо поднял меня с холодных камней и мельком пощупал насквозь промокший рукав рубашки.

– Мелеана, мне показалось, ты с кем-то разговаривала? Но здесь никого нет.

– Это у нее от удара рассудок помутился, – злорадно предположила некромантка. – А я то все понять не могла, почему ее Сумасшедшей называют? А у нее, оказывается, давно кукушка поехала! – и Гельда насмешливо покрутила пальцем у виска, наглядно демонстрируя свое невысокое мнение о моих скудных умственных способностях.

Мои друзья синхронно, но по-разному, в полном соответствии со своими характерами отреагировали на вызывающее поведение ведьмы. Ланс присвистнул и громко парировал:

– Сама такая!

Орк замахнулся было тяжелым кулаком, но успел одуматься и сделал вид, будто неожиданно захотел почесать в затылке. А дракон поднял лапу и выразительно, пальцем, проверил остроту своего громадного клыка. Не найдя поддержки и понимания, Гельда мгновенно скисла лицом, стушевалась и отступила назад.

– Без друзей меня чуть-чуть, без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями – много! – дурашливо пропел Эткин. А потом внезапно добавил: – А я бы на месте Белого волка не стал так неосмотрительно рассуждать, что здесь нет никого, кроме нас. Я чувствую остаточный след одной, недавно удалившейся мощной магической субстанции, и усиливающееся воздействие другой – агрессивной и негативной...

– Помолчал бы ты лучше, Эткин! А то опять какую-нибудь беду накаркаешь, – попросила я, поеживаясь от пронизывающего ветра, так и приклеивающего к телу мокрую, батиловую рубашку.

– Упс, Рыжая, ты точно уверена, что драконы умеют каркать? – приоткрыл рот наивный Лансанариэль. – А я и не знал!

– О-о-о-о, – с театральным стоном закатил глаза дракон, – теперь я полностью согласен с древним мудрецом, сказавшим, что вершина мудрости – быть понятным каждому дураку!

– Ну, Эткин, ты как чего сморозишь! – недовольно покачал головой полуэльф. – Где же я тебе сейчас дурака то найду?

Гельда обидно хихикнула. Я криво улыбнулась, пытаюсь не стучать зубами слишком громко:

– Простота, подчас, хуже глупости! – я внесла свою посильную лепту в заумный философский диспут.

Ланс обиженно шмыгнул носом. Он, как обычно, ничего не понял.

– Умные люди как цветы, – нудно ворчал мудрый орк, поспешно что-то выискивая глазами. – Один приятен, а от вонючего букета со смесью запахов – сразу начинает болеть голова. Вот, – он с облегчением ткнула пальцем в сторону большой пещеры, обнаруженной в стене скалы, – то, что нам и требовалось. Предлагаю укрыться в ней от ветра, развести костер, передохнуть и высушить мокрую Мелеану... – не дожидаясь нашего одобрения, Оггур первым направился к зиявшему в скале отверстию и вступил в пределы сумрачного свода.

Мы не успели даже охнуть. Раздался страшный грохот, земля под нашими ногами сильно покачнулась, а с вершины утеса посыпался целый град валунов, погребая под собой вход в пещеру и не в меру прыткого орка. Истошно завопил опомнившийся Ланс, Гельда опрометью просилась прочь, подальше от опасного места, а Эткин предусмотрительно сгреб меня обеими передними лапами, справедливо опасаясь, что я бесстрашно полезу в центр обвала. Несколько минут мы молча боролись. Победа досталась дракону.

– Ну, – требовательно сказала я, – отпусти меня. Землетрясение то – закончилось. Нужно спасать Оггура.

– Если он жив! – осиротело заголосил полукровка, горестно пытаясь вырвать клочок своих длинных, пепельных волос.

– Шевелюру побереги, – посоветовал ему дракон. – Жив он, жив, я его слышу. Но в пещере есть кто-то еще...

Тут уже не на шутку испугалась я, а то мало ли кто может напасть на засыпанного в пещере и возможно, серьезно раненого тысячника. Я подошла к груде камней, закрывавших вход в пещеру, и громко позвала:

– Оггур! Ты в порядке?

– Отвали... – неразборчиво донеслось из-за завала.

Я опешила. Это что же получается то, а? Я, понимаете ли, беспокоюсь, помочь хочу, а меня еще и посылают невесть куда, вместо благодарности!

– Огвур! – возмущенно рявкнула я. – Тебя что, по голове чем-то тяжелым шандарахнуло? Ты там, случаем, не сбрендил ли?

– Отвали, – снова послышалось из пещеры, – камень от входа отвали!

Объединенными усилиями нам удалось разобрать мелкие обломки и откатить один колоссальный валун. В расчищенном проходе неторопливо возник живописно исцарапанный, пыльный, злой, но, спасибо богам – живой и невредимый орк.

– Вот, – наставительно изрек дракон, – я вы меня не послушались! Я же предупреждал, что чувствую присутствие чьей-то злой воли! Обвал не сам по себе возник...

– Кто-то хочет нас убить? – выкатил зеленые глаза Лансанариэль.

– Совершенно точно! – вдруг раздалось из-за спины орка и, легко, словно тонкую тростинку, отодвинув массивную фигуру Огвура, навстречу нам вышел высокий, седобородый мужчина, аскетического облика. Я с первого взгляда вспомнила и эти умные, пронизательные глаза и золотой посох с обсидиановым шаром. Мгновенно приложила руку к груди и почтительно опустила на одно колено:

– Приветствую вас, магистр Арбиус!

Старый некромант одарил мой лоб растроганным отеческим поцелуем и испытующе всмотрелся в мокрое, прикрытое золотой маской лицо:

– Узнаю нашу отважную принцессу, по-прежнему безупречно учтивую и благородную!

– Мастер, – Огвур шумно отряхивался от пыли, – продолжили бы вы рассказывать эту захватывающую историю, конец которой я не дослушал в пещере...

– Какую еще историю? – встрепнулся Эткин.

Арбиус лукаво ухмыльнулся, неторопливо расправил складки своей черной мантии, выбрал валун посуше, уселся на него со всем доступным комфортом и только после этого, поманив к себе коротким, выразительным жестом, заставил меня опуститься на колени у его ног. Наши глаза оказались на одном уровне. Не отворачиваясь и не мигая, я смотрела в черные зрачки некроманта, отмечая гипнотические спирали света, начинавшие закручиваться в их бездонной глубине. Наконец, Арбиус довольно вздохнул, и устало прикрыл дрожащие от напряжения веки:

– Что увидел ты там, архимаг? – требовательно спросил дракон.

Некромант задумчиво пропустил через сжатый кулак свою длинную, седую бороду:

– Ты мудр, великий дракон, каким и положено быть последнему хранителю магии! Но как ты легкомысленно позволил зародиться столь опасному чувству?

– Эх, – виновато буркнул крылатый гигант, – значит, ты тоже все понял, магистр! А что я мог поделать? Запретный плод, он всегда слаще!

– Кхе-хе-хе, – хрипло и печально откашлялся Арбиус, – случившегося не воротишь! Грядут великие горести и испытания. Под силу ли хрупкой девушке вынести то, что она сама себе наворожила?

– И вовсе она не слабая! – убежденно заспорил дракон. – Есть девы в нарронских селеньях – их бабами гордо зовут, горгулью поймают в два счета – и задницу ей надерут.

Но некромант даже не улыбнулся.

– Да что случилось то? – не выдержала я, ощущая, что сейчас лопну от распиравшего меня любопытства. – Чего такого страшного я себе подгадала?

– Суший пустяк, всего-то изменила пророчество Великих! – скверно усмехнулся Арбиус.

– Во, дела! – привычно выдал Ланс.

Орк крякнул, но промолчал.

– Рассказывай все по порядку! – безапелляционным тоном заявила я.

Некромант снова откашлялся. По его смущенному виду стало понятно, что он не знает, с чего следует начать. Эткин пришел ему на помощь:

– Существует древняя легенда, – дракон полуприкрыл сапфировые глаза, вслушиваясь в свой протяжный голос, – что все, произошедшее с Пресветлыми богами, оказалось определено заранее по вине скучающих, почти выживших из ума по причине крайней дряхлости – демиургов. И якобы, наличествует некое туманное пророчество, записанное на одной из стен Озера безвременья, предрекающее гибель творцов, им же самим и открывшееся. Но магам-некромантам, служащим королеве Смерти, удалось однажды заглянуть в Око времени и они увидели что-то странное, связанное с замыканием Кольца, что, несомненно, приведет к падению власти Великих. Это замыкание, сложно сказать точно, в чем оно заключается, выровняет равновесие добра и зла в нашем мире, и демиурги уже не смогут управлять нами далее. Этого и боятся жестокие создатели, затеявшие игру, лишь бы не допустить нежеланного для них витка развития. Они и подтолкнули Ринецею к свержению богини Аолы. И все ради того, чтобы установленные ими правила остались нерушимыми...

– А ты, беспокойная дочь моя, – поддержал Эткина некромант, – умудрилась забрести в Лабиринт судьбы и изменить свою жизнь, поправ текст пророчества и встретившись с тем, с кем никогда не должна была даже мельком видаться. Ты отвергла руку барона де Грея, пророчество утратило свой изначальный смысл и теперь никто из нас, в том числе и демиурги, не в силах предугадать – что произойдет дальше!

– А я то думала, что Великие просто играют! – задумчиво протянула я.

– Доигрались уже, – ехидно хохотнул Эткин. – Теперь в игру вступили новые, зловещие силы, реально угрожающие не только нам, но и демиургам. Поэтому они не случайно оставили тебя в живых, они надеются, что ты сможешь избавить их от Ледяного бога.

– А твое внезапно вспыхнувшее чувство к белокурому принцу вообще выходит за рамки разумного, – недовольно добавил Арбиус. – Вы не предназначены друг для друга, потому что ваша любовь способна изменить само понимание добра и зла! Кроме того, он твой враг и по идее, должен стремиться убить всех нас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.